

**ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

Ч|И|Т|А|Й|Т|Е

В ЭТОМ НОМЕРЕ

С. Зубатов
**ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДОГМАТИЗМ (ЧАСТЬ 2)**
СТР. 2 - 10

В. Смирнов
**КТО ВИНОВАТ
В БЕДАХ РАБОЧИХ,
НАЦИОНАЛИСТОВ
И ТОМУ ПОДОБНОЙ**
ПУБЛИКИ
СТР. 11-14

В. Новак
**О ХАРАКТЕРЕ И
СОДЕРЖАНИИ БОРЬБЫ
КОММУНИСТОВ**
СТР. 15 - 25

В. Подгузов
**«ДОБРО И ЗЛО»
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**
СТР. 26 - 36

В. Игнатович
**ФИЗИК-МАРКСИСТ
А.К. ТИМИРЯЗЕВ**
СТР. 37 - 41

С. Зубатов
**О «СТОЛКНОВЕНИИ
ЦИВИЛИЗАЦИЙ»**
СТР. 42 - 52

К. Ананич
**РАЗНЫЕ
РЕАЛЬНОСТИ**
СТР. 53 - 55

А. Каллистов
ФАРИСЕИ
СТР. 56- 59

СОСТОЯНИЕ СОВРЕМЕННОГО ЛЕВОГО ДВИЖЕНИЯ В ПЕРВОМ МИРЕ

С. Зубатов

От редакции: В этом номере мы с некоторым опозданием заканчиваем публикацию второй главы обзора, посвящённой экономическим вопросам, первая часть которой была опубликована в позапрошлом номере журнала. (Предыдущие статьи обзора можно найти в журнале № 1(11)2005 и 2(12) 2005 и на нашем сайте)

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДОГМАТИЗМ (ЧАСТЬ 2)

Эксплуатация в интернационально- корпоративном мире

Ситуация, с которой столкнулись современные апологеты социального прогресса, в определённом смысле аналогична той, с которой их предшественники столкнулись в период развала феодальных экономических отношений и становления капитализма, как доминирующего механизма регулирования производственных отношений: у многих из них возникло тогда впечатление, что такое явление, как эксплуатация, навсегда отходит в прошлое и для достижения общества всеобщего благоденствия надо лишь запастись капелькой терпения и, выражаясь на современном жаргоне, «не мешать невидимой руке рынка расставить всё по своим местам». Однако время шло, а ожидаемое благоденствие так и не наступало. Более того, в обществе, где ни один социальный класс не угнетался более произвольными сословными ограничениями, где все были свободны и равны перед законом, где все сделки заключались лишь по обоюдному согласию сторон и никто ни у кого не отбирал силой произведённый им продукт или принуждал работать на себя бесплатно, классовое расслоение не только не шло на убыль, но даже имело тенденцию усиливаться. И это несмотря

на то, что во многих случаях новые сильные мира всего вовсе не были какими-то выродками без стыда и совести, а — будучи хорошими христианами или просто порядочными людьми — вполне искренне рассматривали себя поставленными волею бога (или судьбы) и личных способностей (которые, впрочем, следствие той же воли) управлять теми, кто этих способностей лишён и, соответственно, не в состоянии сам о себе позаботиться.

И продолжалось это «затмение разума» до тех пор, пока Маркс, основываясь на предложенной Смитом и Рикардо трудовой теории стоимости, наглядно не продемонстрировал, каким образом за формально добровольными и взаимовыгодными трудовыми сделками между представителями различных классов скрывается всё то же знакомое безвозмездное перераспределение результатов труда эксплуатируемых в пользу эксплуататоров.

Нетрудно заметить достаточно чёткие параллели между той и сегодняшней ситуациями. Как тогда представлялось, что капиталисты — в отличие от феодальной знати — «наиболее полезные члены общества», так и сегодня считается, что топ-менеджеры и прочая сверхвысокооплачиваемая братия — в отличие от капиталистов — просто «более эффективно» работает. Как тогда утверждалось, что огромная разница в доходах «ещё ни о чём не говорит», так и сегодня поётся та же самая песня. Как

тогда **вместо** классовой борьбы с капиталистами зачастую предлагалось объединиться с ними для добывания остатков феодализма — после чего-де у нас тут же наступит рай земной, так и сегодня нередко раздаются голоса в поддержку союза с нашими получающими миллионные оклады «братьями по классу» для добывания капитализма.

Сказанное, конечно, не следует рассматривать в качестве призыва поддержать *противоположную* сторону — что также популярно сегодня среди определённых категорий левых, в особенности т.н. «антиглобалистской направленности». Все эти «новые народники», зовущие массы не вперёд, а назад, в «утраченный рай» классического капитализма, провозглашающие поддержку малого и среднего бизнеса, национальной буржуазии и т.п. благоглупости, мало чем отличаются от своих тогдашних собратьев, безуспешно пытавшихся противиться наступлению нового. Их очевидная реакционность представляется скорее комичной, чем опасной.

Как тогда-то капиталисты представляли сторону прогресса против феодальной реакции, так и сегодня космополитичная корпоративная элита выполняет прогрессивную роль в деле окончательной ликвидации мелких и средних капиталистических хозяйчиков и национальных экономических границ. Однако и те, и другие прекрасно справлялись и справляются со своей исторической миссией и сами, помощь левых им в этом совершенно не нужна. Задача левых — не искать невозможного союза с теми, кто в этом союзе ни в малейшей степени не заинтересован, а в том, чтобы выявить нового классового врага, пришедшего на смену классическому капиталисту-собственнику — так же, как он сам в своё время пришёл на смену феодалу-землевладельцу — и вскрыть механизм новой системы эксплуатации.

а) Разделения труда как базис эксплуатации

Старинная пословица гласит, что «от трудов праведных не стяжать палат каменных». И тем не менее при **каждом** кардинальном изменении экономической основы общества тут же начиналась очередная серия апологетики «праведно стяжатога». Даже в СССР, который, по идее, по самой своей природе должен был стать

обществом всеобщего равенства, со временем (и причём достаточно быстро) возобладали настроения, что некоторые люди «равнее других» и поэтому их следует обеспечивать значительно лучше, поскольку они это «честно заработали». (Стоит ли после этого удивляться тому, что, например, человек, отвечавший когда-то в КПСС за идеологию, сегодня горой стоит за частное предпринимательство и говорит уже не об экспроприации капитала, а лишь об экспроприации «нечестно нажитого» капитала. Такое впечатление, что некоторые товарищи вернулись в своём развитии на полтора века назад и опять уверовали в возможность «и невинность соблести, и капитал приобрести».)

Что вообще такое, если разобраться, есть эксплуатация человека человеком, если взглянуть на это явление в чисто экономической плоскости*? Это — систематическое, безвозмездное и не обусловленное никакими объективными причинами (типа полной или частичной нетрудоспособности в результате болезни или по возрасту) присвоение продуктов труда одного человека (*эксплуатируемого*) другим человеком (*эксплуататором*). Причём формы этого присвоения могут быть самыми различными. В частности, в феодальной экономике оно наблюдалось в наиболее явной форме — в виде барщины или оброка. В (классической) капиталистической экономике присвоение продуктов чужого труда приняло несколько более завуалированную форму *присвоения прибавочной стоимости*. В современной экономике оно наблюдается в ещё более скрытой форме *неэквивалентного обмена продуктами труда*, облегчающегося ещё и тем, что мало кто сегодня производит конечный продукт от начала и до конца, являясь вместо этого лишь одним из множества очень разнородных участников большого и сложного производственного процесса.

б) Внутриотраслевое разделение труда

В рамках одной отрасли, т.е. между людьми, занятыми на различных стадиях или в различных ролях в процессе производства одного конечного продукта неэквивалентный обмен проявляется в присвоении различных коэффициентов «полезности» или «вклада» равному по времени труду, выполняемому различными категориями работников.

* Об этическом аспекте эксплуатации мы писали в статье «Четвёртый источник» («Прорыв» № 3(5) 2003)

Подход такой, безусловно, не нов. Спокон веку труд человека оплачивался тем выше, чем выше его положение в производственной пирамиде. Универсально считается, что от труда начальника пользы производству — не в пример больше, чем от труда, скажем, рядового слесаря*. Но мало кто, к сожалению, задаётся вопросом: а действительно ли это так? Хотя вопрос-то достаточно прост и для того, чтобы на него ответить, нужно лишь попытаться представить себе, много ли этот начальник «наработает» один, **без** подчинённых. Спору нет, и подчинённые одни, без руководителя (в случае достаточно сложного предприятия) наработают немного, но следует ли из этого, что приносимая предприятием польза (и, соответственно, совокупная зарплата) должна «по справедливости» делиться между руководством и собственно работниками пополам? А если, допустим, у нас есть два уровня руководства, тогда как? Можно представить себе по крайней мере три способа «справедливой» делёжки:

1. Сначала пополам между директором и подчинёнными, а затем вторую половину — пополам между средним руководством и рабочими.
2. Сначала пополам между рабочими и руководством, а затем вторую половину — пополам между средним руководством и директором.
3. Сразу на три равные части.

Какой из этих трёх способов будет «самым справедливым» или «отражающим действительный трудовой вклад»? Да никакой — поскольку в реальности все разнообразные виды труда на нашем гипотетическом предприятии являются *одинаково необходимыми* и попросту не имеют смысла друг без друга, делить между ними принесённую пользу — это всё равно, что рассуждать, что полезнее при вышивании, иголка или нитка. Если предполагать, что один вид труда «важнее» другого на том лишь основании, что для его выполнения требуется меньше работников, то с тем же успехом можно заключить, что и работа заводских дворников гораздо полезнее, чем слесарей.

Да, но может быть, в вышеприведённых рассуждениях нам следовало всё же как-то учитывать квалификацию различных типов работников? Действительно, ведь не каждый же мо-

жет эффективно работать директором завода (или, скажем, кинозвездой). Справедливое замечание. Однако при всей его справедливости мы не можем не отметить того факта, что пока что ещё ни одно крупное предприятие не рухнуло из-за того лишь, что его глава вдруг уволился, попал под машину, спился, сошёл с ума или каким-либо другим способом устранился от руководства — всегда находились и находятся новые люди, готовые, как говорится, «подхватить выпавшее знамя» и продолжить дело «павших», причём нередко даже с лучшими результатами. В связи с чем возникает закономерный вопрос: если мы и правда должны платить людям в соответствии с их квалификацией, то почему же этим новым руководителям, обладавшим по крайней мере не худшей квалификацией, чем старые, мы платили меньше пока они ещё не выбились в начальство? Потому что тогда они выполняли ещё «не такую полезную» часть работы? Но, простите, откуда тогда вообще следует её какая-то «особая важность» для общего дела, если на деле оказывается, что выполнять её вполне успешно может гораздо большее число людей, чем для её выполнения объективно требуется, не говоря уж о том, что реально достаётся её выполнение часто далеко не самым квалифицированным в ней людям?

И вот тут-то некоторые «марксистки подкованные» товарищи (невнимательно читавшие предыдущий раздел) наверняка воскликнут: «А как же различия между простым и сложным трудом?!» Даже не подозревая при этом, что приписывая Марксу идею о какой-то «большей ценности» сложного труда они, фактически, слово в слово повторяют г-на Дюринга — с той лишь разницей, что последний рассматривал эту, якобы проводимую Марксом идею, в качестве фатального порока его теории, тогда как наши доморощенные «марксисты» подают её в качестве чуть ли не величайшего её достоинства. Вот как цитирует Дюринга Энгельс в, как легко сообразить, «Анти-Дюринге»:

Г-н Дюринг открыл у Маркса грубый экономический промах, допустимый для ученика младшего класса и в то же время заключающий в себе общественно-опасную социалистическую ересь. Теория стоимости Маркса «не более, как обычное... учение о том, что труд есть

* Мы не учитываем тех «товарищей» из «неформал-революционеров», которые — наоборот, свято верят в то, что труд руководителя вообще является непроизводительным и что об этом даже написано в «Капитале».

причина всех стоимостей, а рабочее время — мерило их. Совершенно неясным остаётся здесь представление о том, как следует мыслить различную стоимость так называемого квалифицированного труда. Правда, и по нашей теории измерять естественные издержки и тем самым абсолютную стоимость хозяйственных предметов можно только затраченным рабочим временем, с той разницей, однако, что мы принимаем рабочее время каждого индивидуума за равные величины, не упуская при этом из вида, что при квалифицированных работах к индивидуальному рабочему времени одной личности присоединяется работа других личностей... например, при употреблении разных орудий производства. Дело, следовательно, обстоит не так, как туманно представляет себе г. Маркс, будто бы чьё-либо рабочее время само по себе стоит больше, чем рабочее время другого, потому что в первом как бы сгущено больше среднего рабочего времени. Всякое рабочее время, без исключения и принципиально, следовательно без необходимости принимать в расчет какой-либо средний уровень, — одинаково и совершенно равноценно, и при работах какой-либо личности, так же как и в каждом готовом продукте, нужно только выяснить, сколько рабочего времени других лиц скрыто в затрате, повидимому, только его собственного рабочего времени. Будет ли то орудие производства, приводимое в действие рукой, либо сама рука, даже голова, которая без посредства рабочего времени других людей не может получить специального свойства и работоспособности, это не имеет ни малейшего значения для строгого применения теории. Господин же Маркс в своих рассуждениях о стоимости не свободен от мелькающего перед ним призрака квалифицированного рабочего времени. Отказаться от него ему помешал унаследованный метод мышления образованных классов, которым должно казаться чудовищным признание рабочего времени тачечника и рабочего времени архитектора экономически вполне равноценным».

Не правда ли, очень знакомо, так и хочется воскликнуть: «Вот! Это, оказывается, Дюринг был за уравниловку, а мы, марксисты понимаем...» Посмотрим, однако, что же Энгельс возразил на этот гневный пассаж критика «марксизма»:

Изложение Маркса так просто и ясно, что никто наверное, кроме г. Дюринга, не останется при этом «в полной неясности». Благодаря этой «полной неясности», г. Дюринг, увлекаясь своей гипотезой об «естественных издержках» и об «абсолютной стоимости», о которой никогда ничего не говорилось ни в одном курсе политической экономии, — проглядел истинный смысл теории Маркса о товарной стоимости, которая и составляла главным образом предмет изучения для последнего. Что бы г. Дюринг ни понимал под «естественными издержками» и какое значение ни придавал бы своим пяти различным родам стоимости, чтобы обосновать понятие об «абсолютной стоимости», одно можно с уверенностью сказать, что у Маркса не могло быть и речи о всех этих вещах; он всегда говорил только о товарной стоимости, и во всей главе «Капитала» о стоимости нет ни малейшего намека на то, считал ли Маркс и в каком объеме свою теорию о товарной стоимости применимой к другим общественным формам.

Что же касается обвинения в «унаследованном методе мышления образованных классов, то Энгельс напоминает:

Беда только в том, что Маркс в примечании, сделанном к выше приведённой выписке из «Капитала», говорит: «Читатель должен обратить внимание на то, что здесь идет речь не о заработной плате, которую получает работник за рабочий день, но о стоимости товаров, в которых воплощается его рабочий день». Из этих слов можно заключить, что Маркс, как бы предугадывая поход г. Дюринга, направленный против него, сам протестует против применения приведенной выше цитаты из «Капитала» хотя бы даже к объяснению заработной платы, выплачиваемой за сложный труд в нынешнем обществе. И если г. Дюринг, не довольствуясь этим, приписывает

приведённой выше цитате из «Капитала» значение основных положений, которые Маркс будто бы хотел применить к распределению жизненных средств в социалистически организованном обществе, то это просто бесстыдная подтасовка, допускаемая разве только в среде разбойников печати.

Здесь нам следует отметить, что это обвинение в бесстыдной подтасовке в равной степени относится и к тем разбойничающим сегодня в печати «социалистам», что пытаются подвести «марксистскую основу» под эксплуатацию за счёт неравной оплаты труда, пытаясь представить последнюю как «справедливое распределение в соответствии с трудовым вкладом», как, якобы, «реализацию принципа социализма: от каждого — по способностям, каждому — по труду». И в заключении Энгельс даёт это понятие предельно ясно:

Как же разрешается весь важный вопрос о высшей оплате сложного труда? В обществе частных производителей издержки по обучению квалифицированного рабочего падают на частных лиц или их семейства; поэтому и частным лицам ближайшим образом достаётся высшая плата за обученную рабочую силу; как прежде обученный раб продавался дороже, так теперь обученный наёмный рабочий оплачивается по высшей цене. В обществе, организованном социалистически, эти издержки оплачивает общество, поэтому ему принадлежат и результаты их, т.е. созданные более сложным трудом высшие стоимости. Сам рабочий не может претендовать ни на какой избыток. Из чего, между прочим, следует вывод, что и излюбленное притязание работника на «весь продукт труда» тоже иной раз оказывается не совсем неуязвимым.

Иными словами, в сегодняшнем, **эксплуаторском** обществе мы действительно рассматриваем некоторую часть разницы в оплате труда как неэксплуаторский доход, обусловленный расходами человека или его семьи на производство более квалифицированной рабочей силы. Однако сумма эта достаточно легко и с достаточной точностью просчитываема исходя из известных цен на образование. В то же время любые «трудо-вые» выплаты, превышающие эту разницу, являются ни чем иным, как **эксплуаторским** доходом, формирующимся за счёт заниженной (т.е. неполной) оплаты труда других работников.

в) Межотраслевое разделение труда

Что важнее, накормить человека, напоить, обогреть зимой, построить ему жилище? У людей есть масса принципиально несводимых друг к другу потребностей и все они должны каким-то образом удовлетворяться, однако нас почему-то упорно пытаются убедить в том, что люди, занимающиеся удовлетворением одних наших потребностей, имеют «естественное право» зарабатывать значительно больше тех, что удовлетворяют другие наши потребности.

Может быть, эти счастливчики — те, кто удовлетворяет наши наиболее базовые, жизненные потребности, от которых зависит само наше физическое существование? Ничуть не бывало! Как раз наоборот: именно тем, благодаря чьему труду мы, собственно, и живём на этом свете, платят, как правило, меньше всего. Почему так выходит? Да по той простой причине, что для удовлетворения этих потребностей обычно не требуется каких-то особых умений — в противном случае животное вида *homo sapiens* вымерло бы ещё задолго до того, как первому его представителю пришла в голову идея заняться развитием цивилизации.

Более того, ещё Маркс заметил в приведённой в предыдущем разделе цитате, что в вопросах распределения оплаты труда по отраслям «случайные обстоятельства играют ... настолько крупную роль, что одни и те же виды труда меняются местами». С другой стороны, достаточно взглянуть, с каким жаром профессиональные объединения первого мира защищают рынок своего труда от дешёвой рабочей силы из третьего мира, чтобы понять, что даже они сами прекрасно понимают, что ничего «естественного» в существующем распределении уровня зарплаток нет и быть не может, что получают сегодня больше других отнюдь не те, чей труд важнее, нужнее, квалифицированней или хотя бы просто тяжелее, а те, кто сумели лучше организовать и искусственно снизить конкуренцию на рынке своего труда.

г) Международное разделение труда

Прочитав ещё раз (в несколько урезанном виде) замечание Маркса о международной эксплуатации:

Прибыль может быть получена так же путём обмана, когда один человек

приобретает то, что другой теряет... А даже в соответствии с теорией Рикардо три дня труда в одной стране могут быть обменяны на один в другой... Отношения между рабочими днями в разных странах могут оказаться схожими с отношениями, существующими между квалифицированным, сложным трудом и неквалифицированным, простым трудом в пределах одной страны. В этом случае более богатая страна эксплуатирует более бедную...

Т.е. и тут мы видим эксплуатацию, основанную не на присвоении прибавочной стоимости, а на неэквивалентном обмене продуктами труда. Следует лишь отметить, что со времён Маркса эта неэквивалентность возросла неимоверно и сегодня час труда жителя первого мира вполне может обмениваться уже не на три, а на **десятки** часов труда жителя третьего мира. Причём ситуация эта поддерживается даже не рыночными методами, а прямым силовым и юридическим разделом глобального рынка труда на сравнительно ограниченную привилегированную зону «золотого миллиарда» и значительно превосходящий её как по территории, так и по численности населения весь остальной мир*

д) Вопрос материального стимулирования труда

Строго говоря, этот вопрос не имеет отношения к исследованию природы эксплуатации. В самом деле, даже если нашим оппонентам и удастся неопровержимо доказать, что без существенных различий в оплате труда различных категорий работников развитие цивилизации и вообще нормальное функционирование общества невозможно, то что это будет озна-

чать? Лишь то, эксплуатация — это имманентное свойство **любой** устойчивой экономической системы. Подобные доводы могут послужить доказательством бессмысленности (или даже вредности) попыток преодолеть эксплуатацию, но никоим образом не доказательством её отсутствия в какой-то конкретной экономической модели.

Тем не менее, поскольку в конечном итоге наша задача — это всё же именно реализация неэксплуататорского общества, а не просто пустые разглагольствования на тему может быть и весьма элегантно и внутренне непротиворечивой, но при этом чисто абстрактной и не имеющей ни малейшего отношения к реальной жизни модели, рассмотреть этот вопрос хотя бы вкратце мы обязаны.

Прежде всего отметим, что доводы оппонентов в стиле «так было всегда и, значит, по другому быть не может» нельзя признать ни корректными, ни доводами вообще: в конце концов, когда-то точно так же считалось, что экономическое развитие невозможно без института рабства, однако история наглядно показала, что как раз наоборот: продолжать цепляться за него тогда, когда он уже пережил свою объективную экономическую необходимость — это надёжный рецепт экономического и политического краха.

С другой стороны, бессмысленно было бы и от нас ожидать какого-то «математически точного» доказательства, что неэксплуататорское общество возможно: обществоведение — не точная наука и максимум, на что тут можно рассчитывать в плане доказательств — это на фактически и логически непротиворечивые доводы в пользу того, что что-то *может* быть, т.е. что мы — добросовестно рассмотрев все разумные варианты — не нашли ничего что *противоречило* бы нашим предположениям о возможности того или иного социального устройства.

* Интересно отметить также, что по мере своей постепенной деградации не избежал чего-то подобного и СССР, в котором — пусть и с «социалистической спецификой» — но также появилось разделение на привилегированную зону, в которую входили Москва, Ленинград и некоторые другие города и районы, и «провинцию», жители которой — несмотря на формально те же зарплаты — жили заметно хуже. При этом получить провинциалу «московскую прописку» было в те времена едва ли не сложнее, чем сегодня жителю третьего мира — гринкарту. И совершенно неудивительно, что новые российские власти не только не отменили «московской прописки», которая (и вполне справедливо) подавалась в антисоветской пропаганде в качестве недопустимого в свободном обществе ограничения права граждан на выбор места жительства, а напротив — лишь усилили эти дискриминационные меры и фактически ведут страну к *внутреннему разделу* бывшего второго мира на первый и третий.

Поэтому здесь мы ограничимся лишь рассмотрением основных доводов, обычно приводящихся в защиту необходимости материального стимулирования в капиталистическом стиле, и покажем их полную несостоятельность.

Не будучи материально принуждаем, человек не будет работать

С этим доводом вполне можно согласиться — по крайней мере, на переходный период (т.е. первую стадию коммунистического общества) — однако подобных ультрарадикальных мер, как немедленная отмена всякого принуждения к труду, никто никогда и не предлагал в качестве практики коммунистического строительства. Напротив, скорее уж выдвигался лозунг «Кто не работает — то не ест». Безусловно, заработная плата в каком-то виде будет ещё в течение длительного времени сохраняться при коммунизме и для того, чтобы её получать, людям таки придётся работать.

Без дифференциации оплаты люди станут работать хуже

И с этим доводом также можно согласиться, отметив лишь, что дифференциация оплаты труда **в пределах одной профессии и сходных условий производства*** никак, вообще говоря, не противоречит принципам протокоммунистического (социалистического) распределения. Дифференциация оплаты в зависимости от непосредственно сопоставимой выработки или в качестве компенсации за более тяжёлые условия труда (хотя в последнем случае предпочтительнее сокращённый рабочий день) — это как раз тот редкий случай, когда она **не** сопряжена с эксплуатацией и позволяет использовать капиталистические пережитки в сознании на пользу построения коммунизма.

Без материального стимула никто не пойдёт учиться

Этот довод тоже часто приводится, но совершенно непонятно почему — ибо он прямо опровергается советской действительностью: зарплаты инженерно-технических работников были в позднем СССР повсеместно ниже зарплат рабочих — и тем не менее желающих учиться в ВУЗах всё равно было в несколько раз больше, чем требовалось специалистов в народном

хозяйстве. Конечно, *некоторая часть* интеллигенции действительно добивалась в результате лучшего положения, чем рабочие, но это была весьма малая часть и вряд ли следует думать, что именно подобная эфемерная возможность двигала всей той массой советских школьников, которая решала продолжить учиться дальше. Скорее можно предположить, что дело тут было в том, что «интеллигентная работа» считалась более лёгкой — но этот фактор останется справедливым и в будущем, так что даже если подобную мотивацию и нельзя отнести к числу особо благородных, свою положительную роль в деле народного образования она играть не перестанет.

Без повышения в оплате никто не пойдёт в начальство

Ещё один достаточно сомнительный довод, особенно если учесть, что те же самые люди, что приводят его, часто любят порассуждать о присущей если и не всем людям, то достаточно большому числу их, *жажде власти*. Конечно, человек, которого не интересует ничего, кроме власти, как таковой, наверное, не самый лучший кандидат в начальники, но ведь и тот, кого не интересует ничего, кроме денег — ничем не лучше. (На самом деле, даже хуже — поскольку последний, став начальником в «денежно-стимулируемой модели» в любом случае добьётся того, чего хотел, в то время как властолюбец в условиях, когда он в принципе не имеет возможности «наказать ослушника рублём» и власть которого держится исключительно на авторитете и **добровольном** согласии его «подчинённых» следовать его указанием, не добьётся реально ничего.) И даже в условиях капитализма считается общепризнанным, что действительно хороший начальник — это тот, кто пришёл на свою должность имея «видение» того, чего он хочет добиться, и кто рассматривает свою работу не только как средство добычи денег, но и как органичную часть своей жизни.

Люди перестанут заниматься творчеством

Этот пункт в какой-то мере переключается с предыдущим. Патентное и авторское право

* Тут следует особо подчеркнуть, что мы говорим не просто о профессии, как таковой, но также и о конкретных обстоятельствах труда, включающих, в частности, используемое оборудование и прямо влияющих на *среднюю производительность труда*. Нет абсолютно ничего «справедливого» в том, что работник получает повышенную зарплату потому лишь, что ему посчастливилось работать на более передовой технике.

появились сравнительно недавно — до этого же цивилизация каким-то образом достаточно успешно развивалась и без них. Вряд ли многие из потенциальных изобретателей (художников) заявят: а пойду-ка я, всем назло, вместо того, чтобы фотонные двигатели выдумывать (шедевры рисовать), копать землю. Но если даже такие и найдутся — то может быть им и правда лучше пойти копать землю?

Неэксплуаторское угнетение

Ещё одним ключевым проявлением экономического догматизма в современной западной левой среде является своего рода демонизация понятия эксплуатации, подача её как некоего «исключительного зла», через призму которого только и надо смотреть на все имеющие место экономические явления. Тогда как в действительности эксплуатация — это всего лишь **один из видов** более широкого понятия **экономического угнетения**.

Попробуем более или менее строго определить это понятие.

Экономическое угнетение — это система насильственных (включая и угрозу насилия) и/или психологических (пропаганда, являющаяся, по существу психологическим насилием) мер, направленных на ограничение экономической деятельности части населения по сравнению с другой частью населения и в интересах этой другой части населения.

Разумеется, полностью «строгим» его назвать нельзя, поэтому во избежание ненужной путаницы требуется дать некоторые пояснения. Во-первых, оно не имеет ничего общего с пресловутой «свободой экономической деятельности» — по крайней мере в её сегодняшней общепринятой интерпретации — сводящейся, в конечном итоге к *праву владеть частной собственностью*. Более того, поскольку в самой основе концепции частной собственности лежит идея *ограничения свободы* всех, кроме собственника (-ов) на использование (в экономических целях, в том числе) объекта собственнос-

ти, то реализация этой «свободы экономической деятельности» как раз служит **одной из возможных предпосылок** экономического угнетения. Во-вторых, эксплуатация — т.е. явление, когда один человек **вынужден** (за счёт прямого насилия, угрозы насилия, в результате создания у него впечатления, что такое положение «естественно» и т.п.) соглашаться на использование своего труда другим человеком в интересах этого другого человека — действительно является частным случаем экономического угнетения, поскольку экономическая деятельность эксплуатируемого ограничена рамками, поставленными для него эксплуататором, и отсутствующими для самого эксплуататора.

Приведём небольшой (и не самый жизненный), но зато очень наглядный пример. Допустим, два человека попали на необитаемый остров. Если один из них заставляет другого работать на себя — это эксплуатация. И это, безусловно, плохо. Однако, если первый **не** заинтересован в труде второго, поскольку вполне в состоянии сам обеспечивать себя, но при этом захватил в свою собственность все (или все наиболее удобные и лёгкие) источники материальных благ на острове (бананы, кокосы, единственные родник и пещеру и т.д.), то возникшая ситуация хотя и **не** является проявлением эксплуатации, но очевидно является проявлением экономического угнетения. Причём ситуация эта — гораздо хуже, чем если бы угнетённому было позволено участвовать в хозяйственной жизни острова — и тем самым обеспечивать своё существование — хотя бы на правах эксплуатируемого.

Очевидно, что с моральной точки зрения неприемлемым является именно экономическое угнетение* — в любых его проявлениях — а отнюдь не только лишь одна, пусть и самая распространённая, его разновидность. Тем более, что тенденции последних десятилетий свидетельствуют о стремительном росте количества населения — в абсолютных величинах и процентном соотношении — практически выброшенного из современного экономического цикла.

В большой обзорной статье «Планета трущоб. Урбанистическая деградация и неформальный пролетариат»** Майк Дэйвис пишет:

*И не только экономическое, но и любое угнетение вообще.

** <http://www.newleftreview.net/NLR26001.shtml>

... многие читатели будут удивлены противоречащими опыту данными ООН, что всего 19,5% городского населения Мексики живёт в трущобах. Но и при подобном ограниченном определении по оценкам «Трущоб»** в 2001 году население трущоб составляло по меньшей мере 921 миллион человек: почти равное населению мира в времена, когда молодой Энгельс впервые прошёл по недобрым улицам Манчестера. ... Жители трущоб составляют ошеломляющие 78,2% городского населения наименее развитых стран и не менее трети глобального городского населения.

При этом с течением времени ситуация лишь ухудшается: по прогнозам Всемирного Банка к середине 30-х годов население трущоб достигнет двух миллиардов человек и впервые в истории человечества превысит количество сельских бедняков.

Как же живут эти люди?

В то же время, городская беднота повсюду вынуждена селиться в опасных или по иным причинам негодных для застройки местах — на слишком крутых склонах холмов, берегах рек и затопляемых землях. Она также самовольно селится в смертельной близости к обогащающим комбинатам, химическим заводам, захоронениям токсичных отходов или у края железных и шоссежных дорог. ... Плюс к тому, обездоленные сообщества городской бедноты беззащитны перед внезапными приступами насилия со стороны государства, вроде печально известного сноса бульдозерами трущоб в прибрежном районе Мароко в Лагосе («портящих вид с расположенного неподалёку острова Виктория, цитадели богатства») в 1990 году или разрушения в ледяную погоду огромного «города скваттеров» Жейянгчун на окраине Пекина в 1995 году.

Следует также понять, что эти люди принципиально отличаются от крестьян-бедняков, которые имели хотя и незавидное, но своё собственное место в общем цикле производства — тогда как «новые бедные» оказались попросту выброшенными из этого цикла. Неумолимый ход прогресса сделал их ненужными в деревне, но, как выяснилось, никому они не нужны и в городе. Они превратились в своего рода «избы-

ток человечества», вынужденный выживать **вне рамок** «формальной» мировой экономической системы. Эти люди — если бы они вообще были способны бороться за что-либо, кроме своего непосредственного выживания — скорее боролись бы, как это ни крамольно звучит для некоторых левых, за право **быть эксплуатируемыми**.

Интересы этой постоянно растущей и, пожалуй, наиболее обездоленной категории людей, однако, часто напрочь игнорируются современными западными догматиками от марксизма — на том основании что либо «их никто не эксплуатирует», либо — ещё «лучше» — «они не являются пролетариатом», а коммуны-де выступают за интересы «специфически класса пролетариата».

Ленин в своё время (в статье «О праве наций на самоопределение») задал вопрос: „*Может ли быть свободен народ, угнетающий другие народы?*“ И сам же на него ответил: „*Нет.*“ Касается это, разумеется, не только народов, но и любых групп людей, объединённых по какому-то признаку — причём обычно **не** классовому, а такому как «служащие одной корпорации», «горожане», «москвичи», «имеющие право на работу», «мужчины» и т.п. К сожалению, Ленин никак не обосновал это своё решительное «нет», вероятно, сочтя такой ответ самоочевидным, а сам вопрос — чуть ли не риторическим. Но, похоже, нынешним «наследникам его идей» приходится объяснять, что допуская угнетение «из практических соображений» (ну действительно, кому охота делиться «завоеваниями пролетарской революции» со всякими там нищими «бездельниками» из каких-то трущоб) мы, тем самым, как бы «морально оправдываем» саму идею угнетения и открываем дорогу его дальнейшему беспрепятственному распространению — и каждый раз из каких-нибудь новых, ничуть не менее веских «практических соображений», в результате реализации которых «всем станет только лучше». И не таким ли «практическим соображением» была, например, идея об «эффективном собственнике» как панацее от «застоя»?

Февраль-апрель 2006

Продолжение следует

** Публикация ООН «Глобальный доклад о населённых пунктах 2003 года: проблема трущоб»

ЭКОНОМИКА

КТО ВИНОВАТ В БЕДАХ РАБОЧИХ, НАЦИОНАЛИСТОВ И ТОМУ ПОДОБНОЙ ПУБЛИКИ

В. Смирнов

В среде российского пролетариата, в интеллигентских кругах, периодически ходят рассуждения о том, что нужно сделать, чтобы в России стало жить, как в «цивилизованных» странах. Наиболее остервенелая пропаганда западного образа жизни закончилась еще в 90-х годах уже минувшего века, но ее отголосок слышится до сих пор, во фразе о «цивилизованном» обществе, которое логично противопоставляется нецивилизованным. На Запад, как оказалось, россияне стремиться перестали, но «цивилизованными» странами еще прикрываются.

Ответы на извечные вопросы: «кто виноват» и «что делать», - «прогрессивной» националистической общественностью были найдены быстро. Более того, на какое-то время они отложились в сознании обывателя. Теперь всем известно, что в наших бедах виновны евреи и приезжие гастарбайтеры, которые отбирают работу у русских. Конечно, патриотам-националистам из рабочего люда разбираться в капиталистических отношениях, основанных на святости частной собственности, некогда, нужно работать в лучшем случае на одного хозяина, а то и на двух, а то и трёх хозяев. Интеллигенты-патриоты знают, да словом не обмолвятся, что благодаря товарно-денежным отношениям они имеют возможность получать гонорары за бессмысленные песни, посредственные книжки и «разоблачительные» статьи «о неизвестной жизни вождя мирового пролетариата». А это значит, что они более заинтересованы в получении очередной подачки и, следовательно, в сохранении капитализма, нежели в действительном раскрытии поднятого нами вопроса. Поэтому правду о капитализме придется раскрыть простому рабочему, который время от времени да задумывался над данной проблемой.

Почему же виноват именно капитализм?

Искать виноватых вокруг себя - дело нехитрое. Гораздо сложнее и труднее осознать, что проблема именно в себе. Что рабочий всех национальностей такой же виновник безработицы в мире и в России в частности, такой же виновник высокой смертности среди населения, как и его хозяин. Первый потому, что и пальцем не пошевелил для изменения существующего положения вещей. А второй потому, что менять ситуацию не в его пользу. Поэтому он нанял и содержит вассалов в лице: журналистов, писателей, юмористов, и армию полицейских, на всякий случай. Одни пытаются сформировать общественное мнение, другие неусыпно следят за тем, чтобы другого мнения в массах особо не наплодилось. Не дай бог! Уж лучше «хаять» гастарбайтеров, евреев, мировое правительство и подогревать в массах национализм, чем изобличать несправедливость в самой сущности капитализма, а именно в ее заинтересованности в максимальной прибыли.

Три века тому назад в мире преобладал преимущественно ручной труд. Труд был тяжелый, а потому в земледелии, на производстве по выплавке железа, производству кожи, на угольных копьях и т.п. справиться с работой могли только мужчины. Помимо них существовали ремесленники - мастера на все руки, которые производили товары, повара, слуги, проститутки и т.д.

В один прекрасный день человечество научилось использовать силы природы не в конкретных местах, обусловленных географически, например, около водопада (вода с которого, падая крутила колесо, и приводила в действие маховик), а независимо от нее. На службу людям пришла паровая машина. Это изобретение, которое должно было облегчить труд, вдруг неожиданно помогло английским, немецким

рабочим... потерять работу с такой же быстротой, как и теряют её нынешние. Тогдашние англичане и немцы, правда, не могли все списать на азербайджанцев, таджиков и турок – как это делают теперь российские рабочие и рабочие «цивилизованных» стран. Следуя современной националистической логике, тогдашние рабочие мужчины виновными должны были бы признать своих жен и детей и с пеной у рта требовать их депортации из страны. Так как те, вместе с изобретениями, расширили рынок рабочей силы, понизили заработную плату, составили мужчинам серьезную конкуренцию за право работать в нечеловеческих условиях на хозяина. Таким образом, более дорогой мужской труд с успехом мог заменяться (не везде, конечно) женским и еще более дешевым детским. Теперь вся семья вынуждена искать работу.

Уже первые применения машины Ньюкомена (использовавшейся по всей Европе) показали, что она «за один день выполняла работу, которую бригады из 25 человек и 10 лошадей, работая посменно, раньше выполняли за неделю».

В России же первая машина Ползунова, вошедшая в строй в 1766 г., за три месяца «оправдала все затраты на ее постройку в сумме 7233 руб. 55 коп. и дала чистую прибыль 12640 руб. 28 коп». Столько она и проработала, пока не дала течь, которую устранять тогдашние управители алтайских заводов не захотели, а спустя 13 лет и вовсе приказали её разобрать. Несмотря на очевидные преимущества от введения машины в эксплуатацию, тогдашние менеджеры не увидели в её использовании особой необходимости, т.к. населения в России было предостаточно, оно покорно ходило в церковь, верило, что только в тяжких трудах оно попадет в рай и не задавало лишних вопросов. А потому считалось, что машины выгоднее использовать там, где рабочая сила дороже.

Из этого следует, что стоимость производства машины и расходы на зарплату рабочему относительно друг к другу. Одновременно с этим, применение машин или новых технологий в одной отрасли автоматически расширяет рынок труда, усиливает конкуренцию среди рабочих и, как следствие, понижает стоимость рабочей силы и в других отраслях, т.к. происходит переток трудовых ресурсов с места на место.

К сожалению, в те времена рабочие также не могли разобраться, в чем тут дело, кто ви-

новат. Свалить вину на приезжих не было возможности, обвинять собственных детей странно, поэтому они нашли не менее нелепое оправдание своим бедам, нежели и современные работяги. Они начали ломать машины, обвиняя их в том, что они, машины, отнимают у них работу!

Спустя многие десятилетия капиталисты, пытаясь погуще заgrimировать свое истинное лицо, «правдиво» объяснили, что научный прогресс тут не причем, что он, наоборот, только облегчает труд рабочих за счет более совершенной техники, а значит, позволяет им трудиться с наименьшими физическими нагрузками. Правда, обман заключается не в том, что было сказано, а в том, что сказано не было. По самой природе машина создавалась как средство, увеличивающее производительность, и облегчающее труд человека. И она вполне бы себя оправдала, если бы не одно «но». Капиталистические отношения, частная собственность делают из машины не помощника рабочему, а его неодоушевленного эксплуататора.

Вместо того, чтобы сократить рабочее время в результате увеличения производительности труда, предприниматель увольняет часть рабочих, а оставшимся увеличивает объём производимой продукции. Вследствие обострившейся конкуренции на рынке рабочей силы рабочий вынужден мириться с этим. Так как более совершенные машины уже не требуют особых индивидуальных навыков и умений, какие требовались, например, обувному мастеру, ими могут управлять и обслуживать большее их количество менее квалифицированные рабочие, готовые продавать свой труд за копейки, чтобы хоть как-то выжить.

Вся история развития и эксплуатации машин, показывает нам, что в обществе, основанном на рыночных отношениях человек – это лишний балласт. Если можно создать машину, которая бы управляла машинами, это будет сделано, к этому будут стремиться. Но во всей этой истории есть еще одно «но». «Максимальная прибыль капитала складывается не из-за сокращения труда рабочего, а из-за сокращения оплачиваемого труда». Выколачивать прибавочную стоимость, т.е. не оплаченный труд, можно именно с рабочего человека. И в этом заключается еще один рыночный антагонизм, а чтобы он не был так заметен, предприниматель делает другой ход, который побуждает его к увеличению рабочего дня, чтобы компенсиро-

вать сокращенных рабочих.

Процесс увеличения рабочего дня, мог бы продолжаться еще какое-то количество времени, если бы рабочие не предпринимали попыток изменить существующий капиталистический порядок.

Спустя еще какое-то время, на сцену выходят государственные чиновники и в законодательном порядке запрещают (в их понимании) детский труд, сокращают рабочий день. На эти уступки они были вынуждены пойти под давлением организовавшихся рабочих. Да и генофонд нации из-за чрезмерного труда изрядно захирел, а ведь в армии и полиции еще нужны здоровые мужчины...

Но и эта мера всего лишь поспособствовала более ускоренному созданию более совершенных машин, которые еще более увеличивали прибавочный продукт и повышали интенсивность труда. То есть ранее человек мог работать 16 часов и обрабатывать, скажем, 100 деталей, на сегодняшний же день улучшение оборудования, увеличение скорости производства позволяют за 8 часов обработать 500 деталей.

А введение сдельной оплаты вообще обходит всякие законодательные акты. Во-первых, работаешь, сколько хочешь, а если это касается производства, то заработать более вообще не удастся, т.к. машина работает с определенной скоростью и, таким образом, сделать больше за определенный период тебе не удастся. Свою

норму прибыли предприниматель все равно получит.

Во-вторых, сдельная оплата труда ставит рабочего в такие условия, чтобы он действительно расходовал больше сил. А затем нервное истощение, срывы...

В наш век производственное оборудование настолько развито, что человеку приходится порой лишь следить за показаниями приборов и счетчиков, т.к. все сложные операции машина делает сама. Облегчив труд, машина практически полностью исключила индивидуальные воз-

можности рабочего, что позволяет ему без ущерба для производства менять место работы. Правда, найти работу по специальности и в своем городе после сокращения, конечно, можно, но вряд ли она оправдывает ожидания.

Памятью о

Фотографии Е.Квитко из серии «Гастарбайтеры».
(www.mdf.ru)

хвалебных обещаниях рынка о том, например, что конкуренция, якобы, способствует улучшению качества и снижению цены, необходимо упомянуть, что этот закон касается, в первую очередь, тех, кто будет пытаться улучшить качество, и снизить стоимость. Прежде всего, именно рабочих, которые, чтобы устроиться на работу должны будут быть лучше других и, что на сегодняшний момент главнее, должны будут согласиться работать за меньшие деньги и с наибольшей интенсивностью. Правда, на этом их бедствия не заканчиваются, как мы видим, и они постоянно вынуждены думать, а что же будет завтра, т.к. принцип «меньше получай, больше производи» в итоге выбросит и кого-то из них на улицу.

Следовательно, снизится и общая покупательная способность. Те товары, которые раньше покупали рабочие, реализованы не будут, что, в свою очередь (по рыночной теории), должно вызвать понижение цен. Понизятся цены или нет, это как бог даст, а вот то, что меньше покупая они обрекут на очередное снижение зарплату или сокращение таких же «счастливых», только в других местах, несомненно. Кризис перепроизводства, «нищета от изобилия», как едко подметил Фурье, наименее безобидные спутники рынка.

В период глобализационных процессов капитал будет перетекать из страны в страну в поисках максимальных прибылей. Необходимо заметить, что не во всех странах капиталиста ждут, т.к. в каждой стране есть свой такой же господин, и не во всех странах он может гарантировать сохранность капиталов. Тогда он их помещает в надежных местах и уже на месте привлекает рабочих, которые, в надежде выжить, идут на многие унижения, лишь бы получить необходимое место. Предпринимателю совершенно все равно, кто рабочий по национальности – главное прибыль. И они, как никто другой, заинтересованы в отчаявшихся людях, которым национальное правительство из всех прав гарантировало лишь право на вымирание. Они безмерно обрадуются даже обезьянам, если те, для своего воспроизводства, согласятся работать по 12 часов в сутки и получать за

это всего 2 банана в день.

Русские национал-патриоты сущностные аспекты темы обходят. Когда же им на это указываешь, они пытаются использовать свой последний козырь, который лишней раз в них изобличает хозяйских холоуёв, нежели защитников русского народа:

- «А гастарбайтеры налогов не платят» – утверждают они. При этом, конечно, они забывают, что не всем гастарбайтерам вообще хоть что-то платят. Но главное в том, что они, в общем-то, согласны сохранить существующее положение вещей, даже если их «любимые» русские не получают работу. Они уже согласны, чтобы на них работали, но еще хотят, чтобы люди, получившие возможность работать, национал-патриотам еще и платили. Перефразируя известное изречение, получаем эдакий «фашизм с человеческим лицом».

Не стоит думать, что гастарбайтеры это беда только России или Германии. Рабочие в поисках работы ездят по всему свету и из всего «цивилизованного» мира. Так, например, вот о чём кричат заголовки немецких газет: «Немцы спасаются от безработицы в Австрии», «сейчас армия работающих в Австрии немцев выросла до 46000 человек и стала третьей по численности группой иностранных рабочих - вслед за жителями стран бывшей Югославии и турками...», «Австрийцы предпочитают соседний Лихтенштейн», и т.д.

Оказывается, жить на дотациях не так уж престижно, что, кстати, любят облизывать некоторые наши соотечественники, да и на жизнь с трудом хватает. А раз в сущностных принципах рынка не разобрались, то и появляются различного рода антиглобалисты в Европе, Америке, национал-патриоты в России, которых, безусловно, устроило бы, чтобы на них работал весь мир, а они в это время отдыхали, где-нибудь на Канарах. А так как их желания не равны их возможностям, так как взять почитать «Капитал» им непосильно, их медленно, но верно подготавливают к очередной мировой бойне, а для затравки дают возможность порассуждать о причинах своих бедствий где-то на стороне, а не в себе самих.

Март 2006

ПОЛИТИКА

О ХАРАКТЕРЕ И СОДЕРЖАНИИ БОРЬБЫ КОММУНИСТОВ

В. Новак

“Было бы преступнейшим малодушием усомниться хоть на минутку в неизбежном, полном торжестве принципов революционной социал-демократии, пролетарской организации и партийной дисциплины”.

В.И. Ленин, «Шаг вперед, два шага назад»

Ленин учит, что революционная теория не есть догма, и окончательно она складывается лишь в тесной связи с революционной практикой. С другой стороны, практика становится слепой и утрачивает свою революционность, если теряет связь с революционной теорией. В этой взаимосвязи, в теснейшем соединении революционной теории с революционной практикой, заключено основное условие побед коммунистов. В нарушении – причина их поражений.

Подчеркнем, что под революционной теорией и революционной практикой понимаются теория и практика, которые не просто объясняют действительность и следуют у нее на поводу, но активно эту действительность преобразуют. Как раз такая революционность заключена в марксизме, воплотившем в практику жизни коммунистические мечтания человечества, сделавшем эти мечтания борьбой миллионов людей. Его главнейшая заслуга состоит в том, что он превратил коммунизм из утопии в науку, установил твердые основания этой науки и наметил путь, по которому должно идти. Марксизм раскрыл сущность современного капиталистического хозяйства, объяснив, как наемный труд поработачет миллионы неимущего народа в интересах кучки капиталистов-богачей; показал как все развитие капитализма создает необходимость и условия для утверждения социалистического устройства общества; научил видеть под разными покровами классовую борьбу всяческих видов имущих классов с массой неимущих, с рабочим классом, передовым отрядом всех неимущих; выяснил, что настоящая задача революционной

коммунистической партии не сочинение планов переустройства общества, не устройство заговоров, а организация классовой борьбы и руководство этой борьбой, конечная цель которой – завоевание политической власти пролетариатом и организация социалистического общества. Марксизм научно доказал, что **коммунизм не выдумка мечтателей, а конечная цель и необходимый результат развития человеческого общества.** Что никакая сила не разрушила бы капитализм, если бы его не подмыла и не подрывала история. Что **социализм это то, что соединяет труд и собственность, производителя и потребителя, работника и результат его труда, а весь процесс развития общества ставит в зависимость от потребностей и интересов людей.**

Все это наглядно подтверждается не только опытом СССР, но и в нынешнее время торжества капиталистической контрреволюции. В экономике это проявляется в укрупнении производства, в его глобализации, в обобществлении и огосударствлении, в борьбе с анархией и возрастании плановых тенденций. В политике – в расширении и углублении демократизма. В человеческих отношениях – в стремлении к равенству и товариществу. В частности, опыт СССР блестяще показал, что национальный вопрос может быть разрешен лишь на почве социалистических общественных отношений. В духовности – в усилении влияния нравственных принципов трудового народа и отказе от морали буржуазной. То есть, очевидно, что все дороги ведут человечество к коммунизму. Как бы не зубоскалила современная буржуазия в мелочных порицаниях коммунизма, но человеческое

общество, тем не менее, и вопреки ее потугам, развивается именно к коммунизму.

Говоря о революционности сегодня, когда буржуазия пытается спекулятивно обыгрывать понятие «революция», нельзя не отметить марксистское понимание этого вопроса.

Прежде всего, надо уяснить, что **всякая настоящая революция по своей сути есть переход от одного качественного состояния в другое.** Сейчас в массе людей, к сожалению и среди коммунистов, укоренилось весьма примитивное и ошибочное представление о революции как лишь об акте вооруженного захвата политической власти. Буржуазная пропаганда умело использовала убогость такого представления и, лукаво сведя все дело к пьяному матросу с маузером, превратила его в эффективную идеологическую страшилку для обывателя.

Однако революционность вообще и марксистская в частности имеют гораздо более широкий и глубокий смысл. Так марксистская революционность предполагает качественные изменения всего уклада жизни общества, буквально каждой его стороны, каждого его элемента. Объективным обоснованием для чего является основная цель коммунистического движения - преобразование общества классового в общество бесклассовое, т.е. коммунистическое. Осуществление этой цели есть - иначе не может быть - целый комплекс революций: в области экономики, в области политики, в области культуры, в области морали, нравственности, духовности.

Решение вопроса ликвидации частной собственности и обобществления средств производства, создание принципиально нового планового, централизованно управляемого хозяйствования, *есть революция.* Замена буржуазной политической власти, приноровленной к задачам эксплуатации и угнетения трудящихся масс, на власть народа, приноровленную на претворение в жизнь интересов трудящихся, *есть революция.* Овладение культурными достижениями человечества каждым членом общества, а не только избранными, *есть революция.* Воспитание нового человека коммунистического общества, *революция.* Решение всех этих задач требует как радикального революционного отказа от многих устоявшихся столетиями привычных норм, отработанных в предыдущих обществах, так и, главным образом, радикального **революционного созидания.** Именно в этом состоит революционность марксизма. Революционность его теории и революционность его практики.

Здесь необходимо оговорить, что в данной

статье широко используются формулировки, объяснения и выражения классиков марксизма. Они используются не в виде строгих цитат со ссылками на источники, а в сущностном пересказе. Подобный пересказ делается не потому, что автору для разъяснений не хватает собственных слов, но потому, что определения и выражения выдающихся людей более ярки, более точны, более емки, более кратки. Одновременно пересказ дает возможность приблизить их к нынешнему дню, позволяет обострять внимание на сути сказанного, демонстрировать ход и логику мышления. Таким образом, используются не только сущностные представления основоположников марксизма, но и образ их видения происходящего, используется сам их язык. Что, безусловно, также составляет бесценный боевой арсенал коммунистов, который сегодня, в угоду некоему пресловутому «осовремениванию», непозволительно заброшен. К тому же принципиальная схожесть многих конкретных современных ситуаций и обстоятельств с уже происходившими в прошлом и успешно преодоленными коммунистическими предшественниками позволяет активно применять их опыт не только в сути, но и в формах, включая полемическую фразеологию.

К примеру, в свое время большевизм формировался после длительной полосы господства оппортунизма II Интернационала, очищаясь от него и выковывая собственные методы борьбы. Нынешнее коммунистическое движение находится в аналогичном положении, что позволяет не просто использовать опыт большевиков, но использовать его буквально в азбучном воспроизведении. Отказываться от него сегодня, подменяя «осовремененными» поделками номенклатурных партийных чинуш и звоном лозунгов, просто преступно. Тем более что этот опыт прекрасно обобщен и подан в чеканных формулировках Сталина. Правда, лаконизм их истины некоторые «шибко грамотные «марксисты»» (пригревшиеся на сайте Коммунист.Ру и в р-р-революционном угаре пыгающиеся «*побороть не просто слова: «сталинизм», «троцкизм» и т.д., но и соответствующий стиль мышления*», поскольку «Нет больше сталинизма и троцкизма...») считают примитивизмом.

Сегодня наше коммунистическое движение ведет борьбу в условиях сравнительно мирного развития капитализма. Оппортунизм, победивший в КПСС, обеспечил ему не только победу в контрреволюции, но и создал мощный задел для последующего закрепления. Достаточно взглянуть на заказные «социалистически-коммунисти-

ческие» партии. Аналогично партиям II Интернационала они обрастают жиром и не хотят думать о революции, о диктатуре пролетариата, о революционном воспитании масс. Вместо цельной революционной теории у них обрывки и противоречивые теоретические положения, оторванные от живой революционной борьбы и превратившиеся в обветшалые догмы. О теории Маркса они уже даже для виду перестали вспоминать. Вместо революционной политики у них дряблое филистерство и трезвенное политиканство, парламентская дипломатия и парламентские комбинации. Для виду, конечно, принимают грозные решения и лозунги, но без каких-либо элементов революционности. Вместо воспитания и обучения партии революционной тактике у них тщательный обход наболевших вопросов, их затушевание и замазывание. Для виду они, конечно, не прочь поговорить о больших проблемах, но тем разговором всё и заканчивается.

Такова физиономия современных оппортунистических партий, их метод работы, их арсенал. Однако мало кто сомневается, что грядет новая полоса революционных схваток, и что оппортунистические методы оказываются недостаточны и бессильны перед всеисилием капитала. Поэтому необходимо, как это в свое время сделали большевики, пересмотреть эти методы, изгнать вон филистерство, узколюбие, политиканство, ренегатство, социал-пацифизм. Необходимо выковать новые виды оружия. Без такой предварительной работы нечего начинать решительные действия, ибо на деле это означает оказаться недостаточно вооруженным или просто безоружным перед лицом новых революционных битв. В свое время большевики успешно справились с этой задачей - они выковали свой метод борьбы. Тот метод, который обеспечил им много великих побед.

В чем основа и сущность этого метода? К чему сводятся его требования?

Во-первых, к установлению единства между теорией и практикой.

Во-вторых, к проверке политики партий не по их лозунгам и резолюциям, а по их делам, по их действиям.

В-третьих, к построению всей партийной работы на революционный лад, на воспитании и подготовке масс к революционной борьбе.

В-четвертых, к обучению и воспитанию партии на собственных ошибках, на самокритике.

Большевики ленинской партии блестяще сумели применить этот метод. Современному же коммунистическому движению необходимо

вновь ему учиться. Необходимо восстановить утраченные навыки победного ленинского метода.

Как учит марксизм, теория есть опыт рабочего движения, взятый в его общем виде. Однако теория становится беспредметной, если она не связывается с практикой. В свою очередь практика слепнет, если она не освещает себе дорогу теорией. Но теория становится величайшей силой коммунистического движения, если складывается с его практикой. Тогда она дает движению уверенность, понимание внутренней связи происходящих событий, силу ориентировки в любых ситуациях. Одна лишь теория помогает практике понять не только настоящее, но и определить, куда и как движется развитие в будущем. И самое важное, только революционная теория - теория, ставящая революционные цели и, в силу этого, предполагающая революционные методы их достижения, способна сделать революционной практику. Именно поэтому Ленин не уставал повторять, что без революционной теории не может быть и революционного движения. Ибо отрыв или отказ от революционной теории лишает практику революционности.

Как раз это состояние характерно для нынешнего коммунистического движения и является решающей причиной всех - прошлых, настоящих, будущих неудач. В чем конкретно проявляется отрыв? Главное, в отходе от основополагающих положений марксизма, которые именно и составляют его революционную суть. Прежде всего, отказ от классового точки зрения на борьбу. Марксизм научил видеть под покровом укоренившихся обычаев, политических интриг, мудреных законов, хитромудрых учений, **классовую борьбу**. Он определил, что задачей настоящей революционной коммунистической партии является не сочинение планов переустройства общества, не напевы капиталистам о необходимости улучшения положения трудящихся, не устройство заговоров, а организация *«...классовой борьбы пролетариата и руководство этой борьбой, конечная цель которой - завоевание политической власти пролетариатом и организация социалистического общества»* (В.И. Ленин, «Наша программа»).

Именно от этих принципиальных теоретических революционных положений марксизма отказываются всякого рода соглашатели и оппортунисты. За примерами для подтверждения далеко ходить не надо - достаточно обратиться к партийным документам КПУ или КПрФ, где за избитым прикрытием боязни оттолкнуть от себя «широкие массы населения» (читай - мелко буржуазные слои), они скрывают свое классовое ре-

негатство. А ведь марксизм отчетливо указывает, что вне классовой борьбы социализм есть пустая фраза или наивное мечтание, что именно связь социализма с классовой борьбой превратила социалистические мечтания в социалистическую борьбу. Как возможно, отказавшись от этого, именовать себя коммунистами? Ведь, фактически, **отказ от классового подхода означает отказ от действительной борьбы за социализм и возврат к утопическим мечтаниям.** Не случайно потому такие “коммунисты” находят поддержку буржуазии, которой страшна революционная классовая борьба за социализм, но не социалистические мечтания.

На деле, бесклассовая позиция псевдокоммунистов ведет к раздроблению и мельчанию рабочего движения, потере им силы и политического значения. В свою очередь, отказ от самостоятельной классовой политической борьбы логично тянет за собой целый ряд других отказов в сторону соглашательства с буржуазией. Он порождает фетишизацию буржуазного парламентаризма и буржуазной легальности, когда соглашательские партии превозносят легальные методы борьбы и этой легальностью думают убить капитализм. В результате сегодня рабочее движение отдано на откуп либеральной буржуазии, а рабочий класс, являющийся передовым и ударным ядром движения, полностью находится под ее влиянием и безвольно тянется у нее на поводу под заунывное нытье «коммунистических» партий. Все это хорошо видно в последних избирательных баталиях на Украине.

Отрыв от марксизма разрушает и марксистский пролетарский интернационализм, приспособляющая коммунистическое движение к буржуазному национализму. Чтобы убедиться в правоте сказанного, достаточно привести лишь одно, незначительное по объему, но очень значительное по смыслу, заявление лидера КПУ Симоненко, который на 40-м съезде партии поставил основной её задачей борьбу «... за национальное освобождение от угнетателя-олигархата и компрадорской буржуазии». Видеть коммунистический смысл в этой абсурдной фразе может не просто далекий от марксизма, но абсолютно чуждый ему человек.

К слову сказать, сегодня все оппортунистические партии посыпают голову пеплом и всячески себя отрещивают по поводу жертв, якобы террора большевиков и так называемых преступлений сталинского режима. Не лучшее ли это свидетельство их действительной классовой сути и отступничества от сути пролетарской, от самого права пролетариата на освобождение, от его

права защищать свою свободу с оружием в руках против поднявших оружие на него? Рабочий человек никогда не признает такое лицемерие. Поскольку в его классовой среде, несмотря на все ухищрения новоявленных господ – переименования, установления памятников, перезахоронения, возведения в “святые” и прочее - Николай П был, есть и останется Кровавым, а не “святым”, как для буржуазно-поповских последышей, Колчак - не выдающимся деятелем России, а вешателем, Деникин - не благородным полководцем, а душителем свободы. Иного и быть не может. В то же время, Сталин для него великий революционер, вождь и учитель, борец за освобождение трудового человека, меч, карающий его врагов. Подтверждением является то, что авторитет борцов революции в массах трудящихся (в отличие от новых угнетателей) неуклонно растет, а ее врагов падает. Пусть пока не очень ярко, но это дело времени. Поэтому не подлежит сомнению, что Ленинград вскоре опять станет Ленинградом, а Сталинград Сталинградом.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что только воссоединение марксистской теории с практикой коммунистов способно восстановить действительную революционность коммунистического движения и его силу, способно возродить подлинно революционную партию рабочего класса.

Сегодня, когда разгул оппортунизма не знает удержу, это положение для коммунистов приобретает особое, фактически, решающее значение, является насущнейшей задачей дня. Ибо оно создает предварительные условия их будущих побед. Основной проблемой здесь является очищение марксизма от всего наносного и чуждого ему. Буржуазные идеологи вкупе с оппортунистами опозлили и до неузнаваемости исказили все сущностные его положения, а посредством пропагандистских возможностей внедрили эти извращенные представления в сознание масс людей. Чтобы восстановить положение требуется большая и серьезная работа с привлечением всех коммунистических сил. Когда-то такую работу проделал Ленин, который очистил и вновь вывел на свет революционные мысли Маркса и Энгельса, также тогда искажаемые и опозляемые. В то же время Ленин не ограничился лишь их очищением, а развил дальше, дополнил новыми мыслями и положениями.

К сожалению, сегодня такая работа серьезно не проводится. Даже весьма солидные и авторитетные теоретические издания коммунистов не берут на себя ответственность вести принципиаль-

ную последовательную борьбу за теоретическое очищение и развитие марксизма. Большей частью они представляют собой отстойники плюралистических разглагольствований. Не делается это и при проведении международных форумов коммунистов, которые сейчас более напоминают тетеревиные тока, где каждый слушает лишь себя и сам себе указ.

Будучи диалектически динамичной, марксистская наука развивается вместе с изменяющейся действительностью. Однако, в отличие от метафизически застойных буржуазных концепций, она не просто приспосабливает к ней свои генеральные положения и принципиальные выводы, а, опираясь на них, объективно анализирует новую действительность и тем вооружает передовые силы общества для новых свершений во имя прогресса. Главный вывод, вытекающий из ленинского анализа империализма, состоит в том, что империализм есть канун социалистической революции, есть последняя капиталистическая ступенька исторической лестницы, после которой следует ступенька, называемая социализмом. В то же время, хотя экономической сутью империализма, как и век назад, продолжает оставаться господство монополий, развитие капитализма привело к значительным системным его изменениям, сообразно с которыми изменяется и подход к вопросу о пролетарской революции, ее характере, объеме, глубине, ко всей схеме революции вообще.

Во-первых, поскольку империализм глобализовался и образовал всемирную систему порабощения и угнетения гигантского большинства населения земли несколькими «передовыми» странами, то к вопросу о революции надо подходить с точки зрения экономико-политического состояния всех стран, состояния всего мирового сообщества.

Во-вторых, поскольку капиталистическая глобализация свидетельствует, что вся мировая система хозяйствования созрела для социализма, то нужно говорить о наличии условий революции во всей мировой системе, как едином целом.

В-третьих, поскольку современный импери-

ализм представляет собой единую мировую систему, то социалистическую революцию надо рассматривать как результат развития противоречий в мировой системе капитализма.

В-четвертых, поскольку современный империализм образует единый мировой фронт капитала, то ему должен быть противопоставлен общий фронт коммунистического движения всех стран, как единая система национальных организаций.

В-пятых, поскольку империализму удалось победить социализм в СССР и восстановить цепь мирового империалистического фронта, то революция снова явится результатом разрыва в наиболее слабом ее месте.

Где продолжится революция в будущем? Безусловно, империалистическая цепь опять прорвется там, где она слабее. И не обязательно, где капитализм более развит, где больше развита промышленность, больше демократии и культуры. Может, в Латинской Америке? Тогда почему? Потому, что там перед народами стоит такой безжалостный и заслуживший всеобщую ненависть масс противник, как иноземный империализм, а освободительные движения союзник движению револю-

есть мощнейший союзник движению революционному.

Сейчас некоторые коммунисты впадают в удрученное состояние, отмечая отсутствие настоящего революционного коммунистического движения. Однако если вспомнить историю, то и большевистская партия Ленина даже в начале 17-го года не имела того решающего значения, которое она приобрела потом. Дело в корне изменилось в условиях открытых революционных схваток, в период открытых столкновений классов, когда перед пролетариатом встали задачи, на которые не могли дать ответы погрязшие в оппортунизме партии II-го Интернационала. Этот период поставил задачу о перестройке всей партийной работы на революционный лад, о воспитании рабочих в духе революционной борьбы за власть, о союзниках и т.д. и т.п.

Но такие задачи не могли быть разрешены силами партий, воспитанных в мирных условиях

парламентаризма и пропитанных духом соглашательства, что изначально обрекало революционное движение на поражение. Естественно, пролетариат не мог примириться с таким положением. *«Отсюда необходимость новой партии, партии боевой, партии революционной, достаточно смелой для того, чтобы повести пролетариев на борьбу за власть, достаточно опытной для того, чтобы разобраться в сложных условиях революционной обстановки, и достаточно гибкой для того, чтобы обойти все и всякие подводные камни на пути к цели».* (И.В. Сталин, «Об основах ленинизма»). Таковой партией к этому периоду были большевики, заблаговременно подготовленные для революционных битв. Надо подчеркнуть, что именно принципиальное следование марксистской теории позволило им еще в мирных условиях предвидеть будущие классовые бои и готовиться к ним заранее. Поэтому их партия не только дала ответы на вопросы практики, но и возглавила все движение.

Как видим, в начале 17-го года у большевиков не было, и быть не могло, готовой политической армии, а создали они ее в ходе борьбы и столкновений классов с апреля по октябрь. Политическая армия не то, что армия военная, когда генералы приступают к боям, имея уже готовую армию. Партия создает свою армию в ходе самой борьбы, в ходе классовых столкновений, по мере того, как массы убеждаются на собственном опыте в правильности ее политики. Опираясь на стихийный подъем масс, возглавив и руководя движением, партия формирует ту массовую политическую армию, которая способна сокрушить буржуазный класс. **Важнейшим условием подготовки такой армии для решающих битв, является изоляция соглашательских партий**, как наиболее опасной социальной опоры врагов революции в период революционной развязки. Не изолировав такие партии, совершить революцию невозможно. В этом состоит основное стратегическое правило социалистической революции. То есть, главные усилия коммунистов в период подготовки к открытым боям, должны быть направлены на изоляцию этих партий, на отрыв от них широких масс трудящихся.

Как конкретно должна осуществляться такая изоляция, в какой форме? Несомненно, что и сегодня подобная изоляция должна проводиться, как она проводилась большевиками в 1917-м: под лозунгом «Вся власть Советам».

В чем состоит непреходящая значимость этого лозунга? Прежде всего, в том, что Советы являют собой принципиально новый организационный аппарат общественно-государственного

управления, возводящийся на **массовой, непосредственной и прямой демократии**, т.е. **являются наиболее демократическими в условиях существования классов организациями**. По сравнению с буржуазным парламентаризмом это огромный шаг вперед на пути развития демократии, дающий такую тесную, неразрывную, легко проверяемую и возобновляемую связь с абсолютным большинством народа, которая в буржуазной государственной системе невозможна. Советы являются организациями **самих трудящихся масс**, т.е. делают постоянной и единственной основой всей политической жизни общества именно те массы населения, которые в самых демократических буржуазных республиках, формально будучи равноправными, на деле тысячами приемов и уловок отстраняются от участия в политической жизни, от пользования демократическими правами и свободами. В то же время Советы не просто привлекают эти массы к участию в демократии, подобно буржуазному «демократическому» хождению к избирательным урнам, но развязывают и активно применяют их энергию, инициативу, творческие способности, направляют их на борьбу за освобождение и устройство нового общественного строя.

Таким образом, Советы являются наиболее массовыми и наиболее революционными организациями трудящихся масс, наиболее мощными органами революционной борьбы масс, способными сломить всевластие капитала, разбить, разрушить и заменить чиновничью государственную систему буржуазии. Они являются именно тем аппаратом, посредством которого авангард революции может поднимать, воспитывать, обучать, вести за собой всю гигантскую массу угнетенных классов. То есть Советы являются той **единственной** политической формой, в рамках которой только возможно освобождение трудящихся, победа революции и победа социализма. Если бы революционное творчество трудящихся не создало Советы, то революция для пролетарских масс стала бы делом безнадежным. Неслучайно поэтому первейшими шагами буржуазной контрреволюции было разрушение советской организации власти, ради чего она даже наплевала на свой хваленый «демократизм» и демонстративно-показательно, на виду всего мира, расстреляла ее остатки из танковых пушек среди яркого солнечного дня 4 октября 1993 г. в самом центре столицы России. Но... дала при том и хороший урок классового воспитания.

В то же время, в ходе борьбы за Советы в массах, прежде всего, рабочих, активно формируется

социалистическое сознание, признание необходимости и неизбежности переустройства всего уклада жизни;

понимание роли рабочего класса, как той решающей силы, которая единственно способна победить капитализм;

осознание себя рабочими в роли класса, ведущего политическую борьбу за власть; понимание авангардной и ударной роли рабочего класса во всем освободительном движении трудящихся масс;

союзничество и взаимодействие с другими общественными силами;

интернациональное содружество угнетенных классов.

Вот почему большевики ухватились тогда за Советы. С одной стороны, как за основное организационное звено, способное обеспечить организацию революции и создание условий для ее развития, с другой – как за тот оселок, на котором проверяется подлинная революционность практики каждой партии, т.е. проводится размежевание революционных сил с псевдореволюционными и отрыв последних от масс. Именно по тем же причинам, вопрос о Советах и сегодня должен стоять во главе всей борьбы революционных коммунистов. Решение его становится действительной основой и исходным пунктом современного революционного коммунистического процесса, коренной задачей революционного коммунистического движения.

Согласно ленинской теории, основной закон революции состоит в том, что недостаточно, чтобы угнетенные массы осознали невозможность жить по-старому и потребовали перемен, а необходимо, чтобы угнетатели не могли жить и управлять по-старому. Поэтому для победы революции надо, чтобы большинство рабочих поняло необходимость революционного изменения политического устройства общества и было готово идти ради этого до конца, и, одновременно, чтобы правящие классы переживали кризис. То есть, революция невозможна без общенационального, затрагивающего и угнетаемых и угнетателей, кризиса. Имеется в виду не кризис, вызванный некоей профессиональной непригодностью буржуазии, например, нынешней украинской, к управлению обществом, а непригодностью тех буржуазных методов, которыми она управляет, но которые уже не приемлются общественной массой. Такой кризис, с одной стороны, значительно обессиливает буржуазию, которая бросает все и начинает заниматься собой, погрязая в собственных конфликтах и разборках. С другой

стороны, он вовлекает в политику все население страны, втягивает в схватку даже самые отсталые массы, к которым буржуазия вынуждена обращаться за помощью в решении собственных проблем, но которые она же и революционизирует по мере разоблачения лживости своих лозунгов и обещаний.

При имеющемся подготовленном, грамотном и решительном авангарде трудящихся – рабочем классе, - ведомом революционной партией, вопрос революции в подобных условиях становится только делом техники. Сегодня как раз отсутствие такого авангарда позволяет буржуазии, невзирая на все и всякие кризисы, держать власть и открыто измываться над собственным народом. Все это - и кризис в правящем классе, и классовую беспомощность трудящихся масс, и отсутствие революционного авангарда, и соглашательство партий, именующих себя коммунистическими, наглядно демонстрируют нынешние оранжевые “революции”. Отсюда вытекают и задачи коммунистического движения.

Прежде всего, это задача восстановления классового и революционного характера коммунистических организаций и партий, задача перестройки всей партийной работы на революционный лад. Революционного не в призывах к восстанию и штурму Кремля или Банковой, а в восстановлении в партийной практике революционности марксистской теории, в восстановлении нацеленности на революционные преобразования общества. Именно эта задача вновь встала перед коммунистами и является решающей в данный момент. Только революционная партия способна привести в рабочие массы революционное социалистическое сознание, последовательно внедриться в них, разъяснить и добиться понимания ими сути идей социализма, целей и способов борьбы, роли и места в ней рабочего класса, т.е. придать стихийному возмущению рабочих капиталистическими порядками характер сознательной и организованной борьбы с капитализмом и классом капиталистов. Такая партия делается своеобразным приводным ремнем всего рабочего движения, соединяющим и заставляющим двигаться сначала передовые, прогрессивные, а затем и абсолютно все силы класса в едином направлении и ритме.

Марксистское учение о партии превосходно представлено в работах Сталина и вряд ли возможно там что-либо существенное добавить или убавить. Вместе с тем особо выделим ряд моментов.

Первый. Было бы маниловщиной думать, что когда-либо весь или почти весь класс способен

подняться до уровня сознательности и активности своей передовой части. Исходя из этого, партия не должна допустить, чтобы такое различие стало разрывом. Подобный разрыв замкнет партию в себе, превратит ее в секту, лишит доверия во всей рабочей массе. Поэтому партия обязана быть не только передовой частью класса, но и быть теснейше связанной всеми своими корнями с беспартийными массами. Без такой связи партия не сможет руководить классом и стать решающей силой революции.

В то же время, партия не есть единственная организация рабочего класса. Но, поскольку все эти организации обслуживают один класс, класс пролетариев, то партия, как высшая форма его классового объединения, может и должна стать той центральной организацией, которая побудит все остальные организации проводить в жизни единую, общую, согласованную линию. Чтобы успешно решать такие задачи, партия должна обладать полным доверием масс, которое приобретает через ее правильную теорию, правильную политику, преданность рабочему классу, через связь с массами рабочего класса, умение убеждать в правильности своих действий. Для этого надо вобрать в себя все лучшие элементы рабочего класса, их опыт, их революционность, их беззаветную преданность делу пролетариата. С другой стороны, партия обязана поднимать все более и более обширные слои до передового уровня, совлекая тем их с пути тред-юнионизма и превращая в самостоятельную политическую силу.

Второй. Партия должна быть не только суммой частных групп и отдельных партийных организаций, но и единой системой этих организаций – с высшими и низшими органами руководства, с подчинением меньшинства большинству, с решениями обязательными для всех членов. Несомненно, что в современном мире глобализованного капитализма коммунисты обязаны иметь и адекватную современности единую глобальную организационную структуру. Усилению интернационализации капитала должно быть противопоставлено усиление интернационализации пролетариата, усиление интернационализации коммунистического движения.

Третий. Борьба с оппортунизмом. Она должна быть **беспощадной** и вестись **беспрестанно** как с оппортунистическими организациями псевдокоммунистов, так и с оппортунистическими элементами в собственных рядах. Опыт марксизма учит, что суть борьбы с первыми, серьезность опасности которых возрастает по мере продвижения революции к развязке, состоит в изоля-

ции этих организаций от масс, в их отрыве от масс путем разоблачения фальши и гнилости их политической практики, их нацеленности сводить все дело к соглашению с буржуазией, их антиреволюционной деятельности, прикрываемой пышными лозунгами. Для чего всегда надо доискиваться классовой реальности, сопоставляя со словами дела, а не довольствоваться шарлатанскими фразами. С другой стороны, оппортунистические элементы, находящиеся внутри партии, вносят в нее дух разложения, колебаний, неуверенности, они источник фракционности, дезорганизации и распада. Поэтому борьба с такими элементами, **изгнание их из партии**, есть важнейшее предварительное условие успешности борьбы с капитализмом. Подчеркнем, что попытки решить вопрос без преодоления оппортунистических элементов путем идейной борьбы внутри партии, путем изживания этих элементов из партии, есть гнилой и опасный путь, грозящий обречь партию на хроническую слабость и паралич. **“Партия укреплается тем, что очищает себя от оппортунистических элементов”** – И.В. Сталин.

Четвертый. Отношение партии к своим ошибкам – важнейший показатель ее серьезности. Не скрывать ошибки и затушевывать большие вопросы, не прикрывать недочеты фальшивым благополучием и оптимизмом, что оупляет живую мысль и тормозит дело революционного воспитания партии и масс, а **открыто признать ошибку, вскрыть ее причину, проанализировать обстановку ее породившую, обсудить средства исправления – вот признаки серьезной партии, ее серьезного отношения к поставленным перед собой целям и обязанностям, к ее отношению к своему классу и трудящимся массам**. Некоторые недалековидно паникуют, что вскрытие собственных ошибок и самокритика опасны для партии, ибо могут быть использованы противником против партии. Ленин же считал, что надо не смущаться щипкам противников, что коммунисты достаточно опытные и сильные, чтобы, вопреки злорадствованиям и кривляньям врагов, продолжать свою работу беспощадного разоблачения собственных минусов, которые непременно будут превзойдены ростом рабочего движения. Чем вернее коммунисты разберутся в недостатках и решительнее их выправят, тем быстрее придут к победе.

Ценнейшей составляющей общей сокровищницы марксизма является ленинская наука о руководстве революционной борьбой, ленинская стратегия и тактика борьбы. И хотя некоторые сомневаются в ее актуальности, утверждая, как,

к примеру, редакция Коммунист.Ру, что «по бескрайним просторам бывшего СССР разгуливают лишь одежды призраков. Пустые формы прошлых лет», сектантское мышление которых «вертится в порочном круге штампов прошлой эпохи», позволим себе рассмотреть вопрос на основе позиции именно этих «штампов». Тем более, что мнящие себя марксистами парвеню никакой разумной альтернативы им, кроме звонкого крика, не предложили.

Согласно ленинской науке стратегия представляет собой общий план ведения борьбы, имеющий целью довести борьбу до конца и выиграть войну. На практике стратегия выступает как определение направления главного удара на данном этапе, разработка общего плана борьбы и неуклонное проведение принятого плана через все затруднения и осложнения на пути к цели.

Тактика же есть часть стратегии, ей подчиненная и ее обслуживающая, которая имеет целью выиграть те или иные отдельные сражения, успешно провести те или иные кампании, те или иные бои и выступления, соответствующие конкретной обстановке в период данного этапа. Путем правильного использования всех имеющихся форм борьбы и организации она позволяет добиться максимума результатов при данном соотношении сил. Если стратегический план остается без изменения на весь данный период, то тактика может меняться множество раз. В частности, она меняется в зависимости от приливов и отливов коммунистического движения, его подъема или упадка. Движение поднимается в гору – формы борьбы становятся революционными: политические забастовки, политические демонстрации, бойкоты парламента, общая политическая стачка... Отлив, отступление, упадок движения – формы борьбы меняются: вместо бойкота участие в парламенте, вместо открытых внепарламентских выступлений парламентская работа, вместо политических забастовок частичные экономические забастовки и даже просто затишье, массовые революционные организации заменяются культурно-просветительными, кооперативными, прочими подзаконными организациями. Задача тактического руководства – выдвинуть на первый план именно тех форм борьбы и организации, которые более всего соответствуют имеющимся условиям, обеспечение их правильного использования.

Такой подход к организации борьбы прекрасно был реализован в практике большевиков начала XX века. Этот исторический опыт, безусловно, остается актуальным для современного коммунистического движения и непременно должен

быть использован сегодня. Попробуем применить его к нашему времени хотя бы схематично, поскольку проделать такую работу в полном объеме, представить возможный вариант общего плана по силам лишь коллективным усилиям партии.

Исходя из имеющейся ситуации, **стратегической задачей современного этапа борьбы коммунистов является ниспровержение буржуазии и переход власти к пролетариату.** Основной силой этапа является рабочий класс, который должен присоединить к себе массу крестьянства и полупролетарских элементов населения, чтобы совместными усилиями сломить сопротивление буржуазии и парализовать ее союзников. Для решения этой задачи логично выделяются три главных направления деятельности коммунистов.

Первое. Решение основного вопроса революции – вопроса о власти. Ранее уже говорилось о значимости Советов для революции. Не будем повторяться, но отметим, что именно они являются единственной политической формой, позволяющей обеспечить освобождение трудящихся, победу революции и дальнейшее созидание социализма. Ибо только Советы являются, как органами могущими организовать революцию, так и органами будущей пролетарской власти. Отсюда, **одной из решающих задач современных коммунистов является борьба за Советы. И на уровне теории, и на уровне пропаганды, и, что наиболее важно, на уровне практической реализации Советов прямо сейчас, незамедлительно и решительно.** На деле это разъяснение сути Советов и Советской власти в массах трудового народа, прежде всего, в массах рабочего класса, для восстановления понимания ими политической важности Советов.

С другой стороны, целенаправленная работа по формированию и организации деятельности Советов на существующих предприятиях и учреждениях. Для начала, с целью установления рабочего контроля над производством и распределением, проведения учета труда и продуктов. В последующем, превращать Советы в действенные органы рабочего самоуправления. Не в пристройки и не в дополнения к структурам буржуазии, а в непосредственные органы собственного контроля и управления трудящихся. Сперва на предприятии и учреждении, а затем, через последовательное объединение Советов предприятий территории, в органы местного и общегосударственного управления. Таким образом, суть данного направления заключается в проведении линии от лозунга «Даешь Советы!», до лозунга «Вся власть Советам!».

При реализации этого направления надо с максимальной эффективностью использовать не только возможности предоставляемые буржуазной «демократией», что, безусловно, очень важно, но, и, главным образом, усиливающееся ныне стремление масс к демократии. Если верно организовать работу, не пассивно довольствоваться имеющимися уже отвоеванными правами, а активно добиваться их дальнейшего развития, то можно достичь ряда выгод. Прежде всего, само расширение и углубление демократических прав и свобод. Для рабочего класса нет пути вперед, к социализму, кроме как через демократию, через политическую свободу. Поэтому, ради достижения конечной цели, он всегда стремится к полному и последовательному осуществлению демократизма. Как бы ни изгалялась буржуазия, но именно рабочий класс не на словах, а на деле, есть передовой и последовательный борец за демократию. Конкретным примером тому являются Советы, как непосредственные и всеобъемлющие, т.е. наиболее демократические, организации масс. Одновременно, борьба рабочих за демократию лучше всего разоблачит «демократическую» лживость буржуазии и всех ее приспешников, будет способствовать изоляции оппортунистов от широких масс населения.

Второе. Аксиомой марксизма является, что социализм только тогда станет силой, когда он станет целью **политической** борьбы рабочего класса. Ибо только политическое движение неизбежно приведет рабочих к сознанию того, что у них нет выхода вне социализма, что необходимо полное переустройство всего общества, полное уничтожение всякой нищеты и всякого угнетения. Отсюда **задача коммунистов - придать борьбе рабочих политический характер.** Решение задачи обеспечивается тем, что то позорное экономическое положение, в котором находится рабочий при капитализме, неудержимо толкает его вперед и заставляет бороться за освобождение. Поэтому его не надо увлекать радужными перспективами, а достаточно простого выяснения ему его истинного положения, политико-экономического выяснения того строя, который гнетет его, выяснения необходимости и неизбежности классового антагонизма при этом строе. Именно положение в общей системе капиталистических отношений делает рабочего единственным до конца последовательным, стойким, бескомпромиссным борцом.

В то же время рабочий класс, являясь передовым представителем всего эксплуатируемого населения, способен подталкивать все остальные

демократические и политически оппозиционные элементы на бесповоротный разрыв со всем политическим и социальным строем современного общества. Вот почему необходимо особое **выделение и обособление рабочего класса, как авангарда, руководителя и основной ударной силы всего освободительного движения.** Руководящим началом внутри класса и орудием для его политической борьбы является собственная политическая партия рабочего класса. Которая, для успешного выполнения своей миссии, должна заслужить такой моральный и политический авторитет в рабочих массах, чтобы они принимали ее руководство, чтобы верили ей и добровольно вверяли свою судьбу, чтобы были готовы идти с ней до конца. Добиться этого партия может, прежде всего, своей последовательно пролетарской политикой и преданностью рабочему классу. Для чего она должна уметь точно определять мнение и настроение класса, правильно выражать то, что масса сознает. Уметь, помогая массам на собственном опыте распознать правильность своих действий, активно подводить эти массы к своим позициям, поднимать их до уровня сознания партии.

Особое значение здесь приобретает готовность к внепарламентским формам борьбы и умение их организовывать. Главный порок оппортунистов заключается не в том, что они используют парламентские формы борьбы, а в том, что они переоценивают значение этих форм, считают их единственными формами борьбы. Ибо когда наступает время открытых схваток, то они оказываются неспособными к соответствующим действиям. История коммунистического движения показывает, что парламентская борьба является лишь школой и подспорьем для организации внепарламентской борьбы, что основные вопросы решаются силой, непосредственной борьбой масс. Не это ли подтверждают даже оранжевые «революции» самой буржуазии.

Третье. Хорошо известно ленинское определение, что исторически побеждает тот класс, который может вести за собой массу населения. То есть, от того удастся ли рабочему классу повести за собой революционное крестьянство и присоединить массу полупролетариев определяется судьба и исход революции. Ибо если крестьянство пойдет за крестьянской буржуазией и крестьянскими оппортунистами, то революция обречена на поражение. Поэтому коммунисты обязаны уметь привлечь к себе даже наименее пролетарские слои трудящихся, наладить воздействие на них, подчинить общей дисциплине, уметь достигать соглашения с ними, убеждать колеблющихся,

использовать нейтральных, воспитывать отставших. Целью должна быть не борьба с ними, а их привлечение к общей борьбе.

Четвертое в продолжение третьего. Капитализм характерен тем, что окружен массой чрезвычайно пестрых переходных типов – от пролетария к полупролетарию, от полупролетария к крестьянину и т.д., что внутри самого пролетариата имеется деление – более или менее развитые слои, землячества, профессиональные и т.д. Отсюда неизбежно проистекает необходимость прибегать к лавированию, соглашательству, компромиссам с разными группами пролетариев, с разными партиями рабочих и даже мелких хозяйчиков. С другой стороны, участвуя сегодня в политической жизни страны, депутаты-коммунисты довольно часто голосуют за предложения внесенные другими, в том числе буржуазными, партиями. По сути, это есть совместное выступление. Однако: *«Все дело в том, чтобы уметь применять эту тактику в целях **повышения**, а не понижения **общего** уровня пролетарской сознательности, революционности, способности к борьбе и к победе»* (В.И. Ленин, «Детская болезнь “левизны” в коммунизме»). То есть, подобная тактика допустима лишь в том случае, если выгода для коммунистического движения или для исторического развития страны к социализму, неоспорима и требует того, чтобы ее добиваться. Но всегда при категоричном условии, что тем самым не ставится под вопрос пролетарский классовый характер партии и, совершенно понятно,

что коммунисты есть независимая партия, временно находящаяся в союзе с радикалами или демократами и совершенно отличная от них, что результат совместного решения их не может удовлетворить, а есть лишь один из достигнутых этапов, новая база для дальнейшей борьбы, что коммунисты не плетутся в хвосте буржуазии, а выступают как принципиально отличная от нее, самостоятельная партия. Таким образом они обеспечат себе уважение и при ближайшем революционном подъеме, которые теперь часто и регулярно повторяются, будут готовы к решительным действиям.

В заключение зададимся вопросом: есть ли сейчас коммунистические организации, отвечающие приведенным марксистским требованиям? Безусловно. Однако наиболее структурированной, теоретически грамотной и практически закаленной сегодня представляется РКРП-РПК. Возникшая в годы контрреволюционного шаша как одна из многих групп коммунистического сопротивления, эта партия в последующем сумела не только сохранить свою революционно-марксистскую сущность, но и закрепить ее в своей практике. В отличие от иных организаций марксистской направленности, которые запутались в сложностях борьбы и превратились либо в секты, либо в демагогические клубы ура-революционеров. Поэтому сегодня РКРП-РПК вполне достойна взять на себя руководство единым коммунистическим движением нашей страны.

Февраль 2006

«ДОБРО И ЗЛО» В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В. Подгузов

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Как известно, проблема «добра» и «зла» во все века привлекала внимание людей и как религиозная спекуляция, и как борьба этических норм, но ни в одном из веков реальная борьба добра со злом не велась так явно и бескомпромиссно, столь же продуктивно и, порой, трагично, как в XX веке.

В строгом соответствии с принципом вора: громче всех кричать: «Держи вора!», — «спичрайтеры» Рональда Рейгана в конце XX века объявили СССР «империей зла», а США, естественно, «рынком добра». Последовательно проводя принципы этого жанра в жизнь, пропагандисты Запада даже не пытались разъяснить своим гражданам ни того, что такое зло, ни, что такое добро.

Они «забыли» ответить на вопросы, почему американская администрация самым тесным образом сотрудничала со «злым» Сталиным в конце Великой Отечественной войны, и почему СССР был объявлен «империей зла», когда им руководил Брежнев, при котором Андропов пачками выпускал «узников совести», непримиримых борцов против Советской власти, за «железный занавес» в Америку, Англию в то время, когда КГБ, порой, не выпускал законопослушных советских интеллигентов даже в Болгарию?

(Такое положение вещей нельзя объяснить ничем иным, как наличием в высшем руководстве КГБ стратегии, предполагавшей, с одной стороны, возбуждение обывательской обиженности в среде советских литераторов, а с другой стороны, выращивание из бездарей, отягощенных манней величия, «узников совести» и (только за счёт этого) превращение их в литературное знамя антисоветских сил внутри СССР. Например, кто сегодня, из читающей публики, бегаёт в поисках произведений «ги-

гантов мысли» Максимова, Волкова или Синявского, который, после отсидки шести (вместо семи по приговору) лет «на зоне» и получения именно в связи с этим известности в качестве писателя, был выпущен на жительство в... Англию. По схожему сценарию происходило выращивание поэта Иосифа Бродского, а также примкнувшего к ним Буковского и т.д.)

До сих пор политики США уходят от ясно-го ответа на вопрос, почему СССР становился для них всё большей «империей зла», хотя Горбачёв, Яковлев и Шеварднадзе готовы были буквально лизать любое место США и даже передвигать по их просьбе государственную границу СССР, панически выводя отовсюду советские войска?

Но сегодня уже и обывателям становится ясно, что по планам США на пространстве, некогда занимаемом СССР, не должно было остаться ничего суверенного, даже «самостийной Украины», а тем более, демократической РФ, которая, в принципе, могла бы помешать олигархам США делать **в мире** всё, что душе угодно... Правда, после ельцинского переворота 1991 года ответ на этот вопрос стал ясен даже Синявскому и его жене, когда они узрели и учуяли, наконец, то зло, в которое «демократы» погрузили их Родину, и во имя которого спецслужбы США много лет использовали их самих. (См., например, интервью Синявского в «АиФ» №41 за 2005 г.).

XX век стал уже достоянием истории. А как будет происходить борьба между добром и злом в XXI веке? Согласно христианскому вероучению, человечеству в ближайшее время ничего оригинальнее, чем «конец света», или «Армагеддон» не предстоит. Рай всем не грозит. Современная наука тоже колеблется между «всеобщим потеплением» и «всеобщим оледенением». Продолжается усиленная разработка автоматических средств массового уничтожения людей. Иными словами, трудно утверждать, что «силы зла» решительно отступают перед «силами добра».

К ВОПРОСУ О СЛОВАХ

Прежде всего, следует учесть, что слова «добро» и «зло» мало пригодны при **научном** анализе общественных проблем. Эти абстракции одинаково часто употребляются как в современной академической философии, в теологии, так и на любой кухне, в том числе и «PR». Они органичны для детских сказок и религиозных мифов. Их смысл покрыт многовековым налётом спекуляций и мистификаций. Однако именно эти слова «сидят» в сознании современной читающей публики прочнее, чем, например, слова: конструктив или деструктив, прогресс или регресс, отражающие основные противоположности человеческого бытия конкретнее, чем слова «зло» или «добро».

Современные обыватели отождествляют «добро» с «большим-и-им» количеством денег, а «злом» называют любое «маленькое» их количество. Одновременно в их сознании господствует представление о добре и зле, как о сочетании звезд на небе, сгустках сверхъестественных сил, как о злых и добрых духах, существующих «сами по себе» или временно заключенных в «лампу Аладдина», способных по собственному выбору гадить или мирволить православным или правоверным. Благодаря носителям подобных представлений, точнее, их кошечкам, кормится гигантский круг «окультистов» и, конкурирующих с ними, официальных «культистов».

Поэтому, с точки зрения почитателей астрологических прогнозов, добром можно назвать всё то, чем человек располагает, а злом, всё то, что он утрачивает. Например, потеря золотого кольца есть зло для растяпы, а находка того же кольца другим человеком есть приобретение добра. По этому поводу многие рыночно ориентированные мистики говорят, что им «привалило счастье». Т.е., ровно в той мере, в какой одно событие является «добром» для одного человека, это же событие в той же мере является «злом» для другого человека. Но, если через некоторое время милиция сообщит растяпе достаточно банальную для наших дней новость, что его кольцо найдено у алкоголиков, убивших человека ради того самого золотого кольца, которое тот нашел на улице, то, разумеется, и убийство «везунчика», и срок, полученный убийцей, и факт возврата кольца, и то, что кольцо было вовремя потеряно и потому алкоголикам пришлось убивать временного, а не постоянного хо-

зяина, - всё это заставит потерпевшего задуматься над противоречивостью наших современных представлений о добре и зле.

Теоретическая неразработанность проблемы добра и зла привела к тому, что люди относят к числу «зла» и природные явления. Многие из них считают, что стихийные бедствия ниспосланы на них «сверху» за грехи. Т.е. «...не будь на то господня воля...», никогда бы не было стихийных бедствий. Действительно, только в **мистическом** сознании природные силы могут выглядеть как добро или зло. Для того, чтобы отождествлять действие сил природы с добром или злом, необходимо оставаться на уровне **первобытного** сознания, обожествляющего или дьяволизующего физические процессы. Только умственные дикари сегодня могут вымалывать дождь, или приносить в жертву красавиц, чтобы бог сделал доброе дело и отлил на Землю немного влаги.

В мироздании все течет, всё изменяется. Молодые горы под воздействием влаги, температуры, корней растений меняют свою форму, и это ни хорошо, ни плохо. Горы не страдают от того, что «стареют». Это просто факты бытия материи. Страдать, злиться на своё старение может только человек, да и то не каждый.

Космос имеет в своём арсенале незначительный набор условий, **непосредственно** пригодных для жизни людей. В то же время он обладает бесконечно большим объемом факторов, вызывающих смерть. Такое непропорциональное сочетание противоположностей **ЕСТЕСТВЕННО**, поскольку сам субъект есть **ОДНО** из **бесчисленных** проявлений природы, а не наоборот.

Метеоритный «дождь», как и периодически происходящие встречи планет с гигантскими астероидами или кометами, несущими в себе угрозу любой форме жизни, возникают не в порядке проявления сил добра и зла, а в силу физических, не зависящих от сознания, процессов, протекающих в **бесконечных** макро- и микромирах. Тем не менее, белковая жизнь на Земле существует и становится всё менее бестолковой.

Уже не раз ученые (своими прогнозами) спасали сотни тысяч людей, города от землетрясений, «цунами», извержений вулканов, т.е. превращали силы природы в практически безобидное для человека зрелище. При «злодее» Сталине территория СССР, как никогда и нигде прежде, энергично охватывалась неуклонно расширяющейся **системой** санитарно-эпидемиологических, метеорологических, гидрологических, гляциологических, сейсмических станций и астрономических обсерваторий, чтобы минимизи-

ровать воздействие слепых сил природы на советского человека. В настоящее время, в условиях тирании «демократов», эта уникальная система разрушается и, **пропорционально** умиранию науки в РФ, сокращению расходов на службы предупреждения о природных явлениях, расширяется сфера действия министерства по чрезвычайным ситуациям (**МЧС**), зона больших доходов «ритуальных контор» и мест пиршества крыс. Благодаря рыночным преобразованиям **множится и будет множиться** количество пострадавших от стихийных бедствий, в том числе и от антисанитарии.

Когда извержение вулкана или цунами не причиняют вреда людям, они любуются этими мощными проявлениями сил природы. Там же, где рыночные принципы или религиозные догмы не позволяют науке развиваться до необходимого уровня, там землетрясения, вулканы и наводнения убивают сотни тысяч людей.

Материи безразлично, может ли она создать человека, убить или спасти его. Она просто существует, как говорил Гегель, «в-себе-и-для-себя». В рамках проблемы добра и зла всё зависит от того, как человек **использует** силу вещества природы – для разрушения или созидания, как яд или как лекарство.

Первые врачи использовали яд, чаще всего, как лекарство, короли, чаще всего, как яд. Правда, благодаря рыночным отношениям и свободе слова, всё чаще появляются сообщения о современных врачах-**отравителях**, врачах-**потрошителях**. Поэтому сегодня уже не возникает сомнений, могли ли врачи-отравители делать своё черное дело и в сталинские времена. События и преступления, последовавшие за переводом российской медицины на рыночные рельсы доказали: обязательно могли. Просто многие врачи в советское время боялись проявлять в полной мере свои садистские и стяжательские наклонности. Но если внимательно перечитать, например, «Собачье сердце» или «Доктора Живаго», то можно многое понять в циничном, меркантильном, эгоистичном мирке медицинской элиты. Сребролюбие, высокомерие, эгоизм, - это абсолютно естественные свойства души интеллигента, вырванного из рамок привычного рыночно-феодалного комфорта царской России. А уж когда страна вернулась к рыночно-криминальной демократии, то рост количества врачей-убийц, в том числе и недообразованных тупиц в белых халатах, опять стал нормой. Кто следит за западными криминальными публикациями, тот знает, что «серийный врач-убийца» - столь же час-

тый гость на страницы газет цивилизованного Запада, как и тема расстрела подростками своих обидчиков в школах. Что уж говорить о РФ, вставшей на путь слепого подражательства.

Но, совершенно очевидно, что только тогда, когда уйдут в небытие рыночные, стяжательские, конкурентные отношения, вместе с ними окончательно уйдут в архивы и дела о врачах-отравителях.

Там где нет власти денег, там исчезает интерес к убийству и разрушению. Поэтому, вместе с ослаблением духа торгашества, яды (например, наркотики) вновь будут выполнять **ТОЛЬКО** лекарственную функцию, поскольку только через созидательную **НАУЧНО** обогащенную деятельность **ЛЮДЕЙ** всё большее количество сил природы превращается в **точно** дозируемое добро.

Таким образом, от читателя, решившего разобраться в проблеме добра и зла, требуется работа ума, отнюдь не журналистского и не рейгановского уровня, чтобы убедительно отнести что-либо к разряду действительного добра или зла и не перепутать «адреса».

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ НАУЧНОГО ПОДХОДА К ПРОБЛЕМЕ

Как и любую другую проблему бытия, проблему добра и зла можно решить лишь на основе научного подхода. В свою очередь, научный подход немыслим без постижения **сущности** исследуемого феномена, в данном случае «добра» и «зла». Но трудность состоит в том, что огромное количество **современных** интеллигентов, оперирующих понятиями «добро» и «зло», не владеют философской категорией «сущность». В лучшем случае под сущностью они понимают нечто «самое главное», содержащееся в самом предмете исследования. А поскольку в предмете содержится множество сторон, без которых предмет не существует, поэтому у каждого мыслителя могут возникать **МНОЖЕСТВЕННЫЕ** сугубо индивидуальные представления о «сущности» любого предмета исследования.

Абсурдность такого подхода легко проиллюстрировать вопросом о сущности денег. Если исследователь будет искать сущность денег, разглядывая исключительно саму монету даже

в электронном микроскопе, то ничего «главного» обнаружить в монете он не сможет. Любая монета содержит в себе отчеканенный номинал, форму и состав металла, иногда очень дешевого, но никак не сущность. Ни один из названных элементов содержания монеты не является сущностью монеты и не объясняет её общественную роль.

В составе, например, цианистого калия (быстродействующего яда), нет ни одного ядовитого элемента. Все они полезны для организма. Состав этого цианида не содержит в себе никакого субстратного «главного», что проливалось бы свет на сущность его как яда и позволяло бы выделить себя предметно, в качестве **осязаемой** сущности этого яда. Пистолет, как известно, может пролежать вечность, не причинив никому зла. Им можно, с успехом, колоть орехи. Необходимо, чтобы люди вступили в такую систему отношений, когда бы элементы пистолета проявили свои свойства именно как орудия убийства.

Иными словами, невозможно найти сущность явления среди элементов, составляющих его содержание, даже тогда, когда все эти элементы известны. Образно говоря, субстрат зла будет выделен наукой в чистом виде не раньше, чем алхимики создадут «философский камень», т.е. никогда.

Поэтому, **оставаясь на позициях научного подхода**, приходится признать, что **ПОНЯТИЕ** добра или зла может родиться **ТОЛЬКО В СОЗНАНИИ** человека, и источником **сознательно** зла или добра для людей могут быть только сами люди, а точнее, их **ПОСТУПКИ**, как форма внешнего выражения содержания их мыслей.

Однако, если бы на свете существовало только добро, то никто не знал бы о существовании... добра. Люди бы просто жили, причем, несомненно, счастливо. Если бы на свете существовало только зло, то **НЕКОМУ** было бы знать, что такое зло. Иными словами, одно понятие без другого бессмысленно. Добро пока незначительно превосходит зло, поэтому мир людей существует. Окончательная победа зла в мире была бы подобна победе раковой опухоли над своим

носителем. Одержав победу над здоровыми клетками организма, раковая опухоль отправляется в крематорий вместе с телом упокоенного хозяина. А поскольку человечество всё ещё существует, постольку ясно, что ведущей стороной данной пары противоположностей является добро, оно всё ещё определяет некоторые основные тенденции общественного развития, в том числе и изменения в сознании людей. Но с добром усиленно борются и если судить по статистике распространенности пороков, то получается, что ровно в той мере, в какой рыночники устраняют советское наследие, в такой же

мере растет фашизм, религиозный и коммерческий терроризм, коррумпированность чиновников, проституированность политиков, наркомания всех видов, преступность, суицидальные наклонности, сексуальные уродства, бездомность, нищета и беспризорность.

Словом «добро» может быть обозначена созидательная сущность, способная развиваться самостоятельно, через отрицания исторически уже найденных форм «добра» ещё более высокими его формами. Например, смена

поколений процессоров в вычислительной технике. Каждый новый процессор есть отрицание старого, путем прибавления достоинств. Но не будь процессоров, не было бы и зла «вирусов». Зло может лишь паразитировать на теле добра до тех пор, пока существует добро, т.е. конструктив. Можно быть уверенными, что развитие процессоров будет происходить и впредь, а «вирусоделье» отомрёт вместе с избавлением человечества от свойственных ему современных форм психопатий, фобий. Т.е., с философской точки зрения, добро это абсолют, конструктив, а зло нечто релятивное, относительное, преходящее.

Таким образом, поднявшись на первую «ступеньку» **научного** постижения сущности добра и зла, все и давно осознали, что добро и зло - **ПРОТИВОПОЛОЖНЫЕ понятия**. Но не придали этому «открытию» должного значения. Не сыграло роль подсказки даже то обстоятельство, что все, особенно нашумевшие преступле-

Современное видение проблемы: компьютерная игрушка

ния, были совершены в качестве тщательного промысла. Возьмём ли для примера случай с Евой или размышления Каина перед убийством Авеля, или частные переговоры олигархов во время подготовки ими первой мировой войны, когда для разработки средств массового убийства ими были мобилизованы все «лучшие» интеллектуальные силы ВСЕХ стран - будущих участниц этой бойни.

«Танцую» от «печки» сознательной сущности добра и зла, необходимо понять, что пара «добро и зло» может возникнуть только как внешнее выражение **противоположности** мировоззренческих позиций: даже тогда, когда они мнимые (**христианство - ислам**), а тем более, если они реальные (**религия - атеизм, фашизм - интернационализм**), так и как результат противоположности реальных отношений людей друг к другу, например, **предприниматель к предпринимателю** (никто так не желает смерти ближнему своему, как предприниматель предпринимателю), **предприниматель к менеджеру, предприниматель к пролетарию** или **пролетарий к предпринимателю**.

Но, если отношение предпринимателя к пролетарию есть узаконенное сознательное ограбление, то отношение пролетария к предпринимателю есть тупоголовое донорство. Оно подпадает под библейскую рекомендацию: раз за разом подставлять под удар правую щеку, когда тебе уже врезали по левой, и доказывает, что ещё мыслители древности подметили в одних людях готовность систематически осуществлять зло, например, грабить и бить ближнего (и такой тип людей не приходится долго угонивать), а в других людях - кормить своих тиранов и терпеть.

Характерно, что демагогических сторонников «добра» существенно больше, чем словоохотливых сторонников «зла». Хорошо известна словесная диарея современных политиков во славу «добра». Тысячелетиями официальные религии молятся за «добро», проклиная «зло». Однако на практике и даже в статистических отчетах «зло» продолжает множиться и, очень часто, переходит в наступление, сокращая «пространство» добра.

Такое положение вещей можно объяснить только тем, что освоенная ступень понимания сущности добра и, следовательно, практика «борьбы» со «злом», как и система воспитания в людях «добра», лишь усугубляет АБСУРДНОСТЬ в представлениях людей по важнейшим

вопросам «добра», противопоставляет их научному пониманию. А раз представления абсурдны, следовательно, они **взаимоисключающе** многообразны **по одному и тому же вопросу**, поэтому и реальные отношения людей друг к другу, т.е. отношения носителей этих представлений, **антагонистичны**. Верно и обратное, если реальные отношения людей антагонистичны, то противоположны, **в конечном итоге**, и их представления друг о друге. Причем это, последнее, - первично в жизни рыночного сообщества.

Современные олигархические СМИ усиленно пропагандируют многомыслие по каждому вопросу бытия, особенно в области политики, именно для того, чтобы сумма векторов движения противников зла всегда стремилась к нулю, т.е. чтобы общество постоянно пребывало в состоянии «лебедь, рак да щука». Как известно, и мусульмане, и христиане с официальной трибуны проповедуют любовь к ближнему, но посмотрите на то, что им пришлось делать по отношению друг к другу на протяжении всей истории. Мечи яростно скреживали и кровь проливали не муллы и епископы, а миллионы простых, противоположно «мыслящих» верующих. То же самое происходит сегодня с пролетариями разных национальностей.

Следовательно, самый короткий ответ на вопрос, как избавить человечества от зла, заключается в том, что людей необходимо избавить от противоположности их представлений о человеческом бытии. Ибо **истина ОДНА**.

Это задача вполне решаема, и наука уже много полезного сделала на этом поприще. Сегодня не много найдется охотников опровергнуть теоремы, **доказанные** Евклидом в области геометрии. Не много найдётся дураков, которые считают себя ущемленными необходимостью повторять за Евклидом нетленные истины планиметрии и стереометрии. Это доказывает, что научный подход способствует выработке **абсолютных** истин и, следовательно, **ЕДИНЫХ** представлений о широком круге вопросов.

Как только Евклид наделил людей научными представлениями о формах предметов и объемов, в этой области возобладало положительное заучивание ИСТИН, открытых Евклидом. Как только появилась геометрия Лобачевского, в среде геометров стали проявляться и другие «неевклидовы геометрии». И хорошо, что ни один из спорщиков пока не опозорил себя предложением решить этот вопрос демократически, т.е. голосованием, как это привыкли де-

лать рыночные политики.

С Ньютоном в вопросах механики спорят редко. А вот споры вокруг некоторых открытий Эйнштейна не утихают уже более ста лет. И все потому, что миллиарды людей не только не владеют тензорными уравнениями и материалистической диалектикой, но и элементарными навыками чтения.

Более ста лет ученые не спорят о состоятельности периодической системы химических элементов. Но беда в том, что миллиарды людей на планете не знают даже о существовании «таблицы Менделеева». А уж о распространенности научных знаний в области обществоведения и говорить не приходится.

Таким образом, пока по одному и тому же вопросу в сознании людей будут существовать два и более мнений, до тех пор будет сравнительно легко расставлять людей «по разные стороны баррикады» и стравливать их. Современные демократы потому и борются за торжество «собственного мнения» в сознании людей, что оно не требует никаких усилий, никакой **образованности** со стороны собственника «своей точки зрения» и позволяет легко опустить людей (не обладающих НАУЧНОЙ точкой зрения) на нижние ступеньки социальной «лестницы», т.е. сделать из одних недообразованных, например, офицеров, «ментов», «вертухаев», а из других недообразованных, пролетариев умственного и физического труда, маргиналов, «люмпенов», «гастарбайтеров», БОМЖей, «зэков», чтобы первые прямоходящие «свободномыслящие» держали в тисках демократического закона вторых прямоходящих «свободномыслящих».

НЕКОТОРЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ КОРНИ ПРОБЛЕМЫ ДОБРА И ЗЛА

Ещё одной преградой, отдаляющей наступление эпохи триумфального шествия добра, является невозможность осуществлять диктатуру добра людьми, занимающими **контрастные** социальные позиции. Или, говоря проще, если общество содержит в себе противоположные социальные образования, то зло неуничтожимо, пока существуют эти противоположные социальные образования. Всем известно, во что вылилось возникновение ислама. В многочислен-

ные крестовые походы христиан. Возникновение внутри феодального общества класса предпринимателей стоило им «Варфоломеевской ночи», а затем вылилось в массовую гильотинизацию уже французской аристократии. Пролетариат не раз расстреливался буржуазией. Буржуазия разных стран в разное время испытывала на себе мозолистый кулак рабочего класса. Т.е. превращаясь в социальные противоположности, люди вынуждены, прежде всего, осуществлять антагонизмы, а уж потом думать о любви к ближнему.

Бесспорно, что, например, раб и рабовладелец - ярко выраженные социальные противоположности. Способен ли рабовладелец, **оставаясь им**, принести добро рабу? Только осуществляя насилие, рабовладелец может превратить человека в раба и удерживать большинство рабов в состоянии подчинения. История, предания, фольклор, мифы не оставили ни одного примера, в котором бы человек добровольно напросился в рабы, даже к самому богатому рабовладельцу. Напротив, только кандалы, колодки, псы, надсмотрщики, распятия на крестах, веками удерживали рабов в неволе.

Абсурдно ждать добра, например, от субъекта, выбравшего себе стезю предпринимателя и спонсирующего СВОИ националистические организации. В системе рыночной демократии спонсорство со стороны **предпринимателей** является важнейшей **причиной** существования фашистских организаций любой национальной ориентации. (Как известно, на днях был вынесен обвинительный приговор по уголовному делу юного гражданина рыночной РФ, Александра Копцева, явившегося в синагогу и нанесшего многочисленные ножевые ранения прихожанам. По сообщениям в интернете, лица, не афиширующие себя, уже перечислили родителям А.Копцева более 100 000 долларов. Очевидно, что эти деньги перечислили не рабочие или безработные националисты). Ясно, что безработный лишен возможности оплачивать фашизм, хотя может вступить в ГОТОВУЮ фашистскую организацию от нехватки еды. Но это, как говорят, совсем другая, хотя тоже печальная, история. Понимает ли буржуазия еврейской национальности в РФ, как, впрочем, и в Латвии или в Эстонии, где восстанавливаются дорогостоящие памятники фашистам, что этим дело не закончится, или они будут продолжать уповать на силу демократического правосудия в РФ, Латвии, Эстонии?

Не могут осуществлять добро, например, и

предприниматели из американского военно-промышленного комплекса. Сколько бы благотворительных акций они не оплатили, усилиями именно этих субъектов УЖЕ созданы средства, способные сделать так, что на планете не останется ни одного человека, ни какого-либо иного млекопитающего.

Таким образом, существуют СОЦИАЛЬНЫЕ роли, в рамках которых человек **вообще не способен** делать добро, поскольку **СОЗНАТЕЛЬНО** занял именно эту жизненную позицию – **целенаправленно** лишать людей свободного времени, средств существования и использовать их здоровье, время их жизни в своих и только в своих **личных** интересах.

Однако может сложиться впечатление, что совсем иное дело раб, смирившийся со своим положением и потому приносящий рабовладельцу **одни лишь блага**. Т.е. существует, якобы, такая социальная роль, например, раб, **НЕ ПОРЫВАЯ С КОТОРОЙ**, люди способны совершить одно лишь добро и не совершать зло. И, якобы, чем безупречнее раб стоит на позиции трудолюбивого «говорящего орудия труда», тем меньше у господина возникает поводов сердиться и наказывать его.

Но, раболепно принося пользу господину, раб, тем самым, осуществляет зло, прежде всего, по отношению к себе самому, т.е. лишая себя своей личной жизни.

В то же время, являясь добром для своего владельца, хорошо работающий раб, является злом и для другого раба, например, физически менее развитого, поскольку надсмотрщик обязательно накажет его за невольную «нерадивость», т.е. более низкую производительность. С этой точки зрения рабство - особо подлое и низкое зло. Покладистый раб - невольный доб-

ряк для господина и сознательный источник зла для другого раба, особенно, например, если тот готовит побег. Иными словами, не только два субъекта могут осуществлять добро или зло относительно друг друга, но и один субъект может быть носителем одновременно и добра, и зла, поскольку является носителем **противоположностей** в своём сознании: он и человек,

он же и раб. Как человек он не против получить свободу, но как раб он счастлив, что его сегодня... не секли и даже дали вылизать хозяйскую тарелку.

Как известно, долгое время философия развивалась преимущественно как идейное приложение к рабовладению, поэтому всякий случай самоосвобождения, тем более, насильственного, расценивался официальной философией как зло в форме нанесения ущерба хозяину со стороны **«говорящего орудия труда»**. Это

положение вошло и в заповеди Христа как универсальная форма добродетели: всякий хозяин – от бога, а потому, всякая попытка сопротивления воле хозяина не только зло, но и грех перед богом. Блажен, кто в это верует.

Таким образом, если общество разделено на противоположные социальные группы, то даже наиболее **созидательные** группы этого общества не могут претендовать на звание безусловных носителей добра. Т.е. даже пролетариат, самый революционный класс в истории человечества, и тот долгое время своими собственными руками лишь созидал всё необходимое для ведения мировых войн и сам же, в союзе с крестьянством, под руководством буржуазной интеллигенции, применял оружие против таких же пролетариев, каким являлся сам.

Быть лояльным гражданином неоднородного (в культурном, социальном, политическом и экономическом отношениях) общества и не соучаствовать злу – НЕВОЗМОЖНО. Соучастие людей злу уменьшается ровно в той мере, в какой человек способствует выравниванию интеллектуального развития людей и ликвидации их социального неравенства.

Оптимизм внушает лишь то обстоятельство, что не всякая противоположность людей фатально порождает зло (например, противоположность мужчины и женщины), тем не менее, всякое зло может существовать лишь как результат социальной противоположности людей и наличия механизма, усугубляющего эти противоположности. Будучи необходимыми друг для друга, мужчина и женщина так странно ПОНИМАЮТ свои социальные функции, что появилась проституция, неравноправие, семейное и сексуальное насилие. Т.е. даже эту благую противоположность, какой является противоположность мужчины и женщины, социальные условия **рыночной демократии** способны довести до самоубийственного идиотизма.

Следовательно, из всех возможных противоположностей, присущих всем людям и отдельному человеку, **существенной в деле возникновения зла**, например, вымирания, является **противоположность** образованности и умственной развитости индивидов, но не только по отношению друг к другу, но и по отношению к научной истине.

Иначе говоря, не только разные люди характеризуются разными уровнями умственного развития. В подавляющем большинстве современных индивидов живут как бы два субъекта разного уровня развития. Человек может быть неплохим физиком-теоретиком, но абсолютным холопом и невеждой в социально-политических вопросах. Чем контрастнее умственное развитие отдельного индивида, тем агрессивнее содержание конкуренции таких индивидов, т.е. их отношений в системе частной собственности, вплоть до безраздельного господства одних и раблепной задавленности других.

Чем выше, гармоничнее уровень образованности, обширнее, разностороннее культурное развитие людей, тем им сложнее закабалить друг друга. Во-первых, потому, что они равны по силе образованности и развитости и поэтому, во-вторых, им трудно ввести в заблуждение друг друга, а, в-третьих, их уровень и системность культурного развития исключает при-

митивное отношение к другим людям, тем более, не позволяет опуститься на уровень отношений господства и подчинения, т.е. самовозвышения через унижение ближнего. Пианисту, например, Рихтеру, не пришло бы в голову утверждать, что он лучше режиссера Бондарчука-старшего.

Таким образом, зло **господства** не случайно, а имманентно, органично присуще строго определенной **СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ** категории людей в каждой расе и нации. Главной отличительной чертой этой категории людей является разносторонняя недообразованность, замешанная на культурной неразвитости. Но зло господства возможно только потому, что существует зло **раблепия**.

Как показывает общественная практика, носителями зла господства, тирании может быть не каждый желающий, а прежде всего тот, кому удалось родиться и сформироваться в определенной **СОЦИАЛЬНОЙ** среде. Не вызывает сомнения, что рабовладельцем легче стать, родившись в семье рабовладельца, а не раба. История США до 1861 года не знает ни одного случая, чтобы от негра родился рабовладелец. В США, чтобы стать рабовладельцем нужно было, прежде всего, родиться в семье белого, желательнее, образованного южанина. Теперь рабовладение могут осуществлять и афроамериканцы.

Показательно, что за несколько веков египетского рабства иудеев, только Моисей, иудей по происхождению, но **воспитанный при египетском дворе, дочерью фараона**, смог сформироваться в личность, мыслящую масштабно, категориями господина раблепной массы, способного, в течение сорока лет блуждания по пустыне, удерживать народ в повиновении. Ясно, что никто другой из иудеев во времена «исхода» не смог соперничать с Моисеем в образованности, что и обеспечило ему долгое безраздельное правление и веру масс в его посредничество между народом и богом. Только умея писать, он мог изготовить каменные «скрижали». Это, правда, не означает, что каждый пишущий человек может стать господином, но господином в системе частной собственности стать тем легче, чем выше уровень профессиональной господской образованности, не забывая, однако, что необходимо родиться в определенную эпоху, в определенной стране и семье, уже находящейся у кормушки или кормила власти.

АБСТРАКТНЫ ЛИ ЗЛО И ДОБРО ?

Даже адепты рыночной философии отлично знают, но помалкивают о том, что ни добро, ни зло не бывают абстрактными. Они всегда конкретны и персонифицированы. Например, многие могут оценить insult, как абстрактное зло. Но если бы insult «хвтал» только физиков и только в момент, когда их мысль опускалась до идеи атомной бомбы, то все здравомыслящие люди оценили бы «зло» такого insult, как конкретное добро. Но, сознавая конкретную природу добра и зла, наёмные философы и публицисты продолжают сегодня насаждать в общественное сознание именно абстрактные, часто мистические модели зла и добра с тем, чтобы было удобнее (по команде своих сутенёров-олигархов) назначать злом то или того, что или кто в данный конкретный момент мешает олигархам получать наибольшую прибыль.

Но конкретность подхода нельзя путать с мелочной спекулятивностью. Т.е., если раз за разом ВСЯ мировая практика устанавливает закономерную зависимость между высотой поста чиновника и размером получаемой им взятки, то конкретность подхода в этом вопросе состоит не в конкретности имен чиновников, получавших взятки и соответствующие сроки тюремного заключения, а в том, что **КОНКРЕТНОЙ** причиной такой практики является наличие **товарно-денежной формы производственных отношений**. Если мировая практика год за годом констатирует зависимость между темпами роста фирм и размером прибылей, сокрытых от налогообложения, то дело не в имени конкретного владельца фирмы, а в сущности товарно-денежной формы производственных отношений, органически связанной с воровской формой мышления людей.

Поэтому, если желать перевести борьбу с коррупцией (которая достигла в РФ беспрецедентных размеров) в **конкретное** русло, то следует, прежде всего, не столько педантично применять современные юридические процедуры, а ликвидировать ПРИЧИНУ, создающую гарантированную предпосылку к возникновению ВСЕХ видов воровства, т.е. ликвидировать товарно-денежную форму отношений между людьми. Но это конкретное доброе дело многие сегодня пока не поймут и будут, по-прежнему, «вычерпывать из тонущей лодки воду» общим юридическим «решетом», писать в милицию, нанимать охранников и ставить железные двери.

Принцип конкретности, применительно к проблеме добра и зла, означает, к тому же, что добро это не то, что вы думаете, а то, что **на самом деле**, объективно является добром. Т.е. принцип конкретности и, следовательно, меры неотделимы от принципа научности. В этом смысле, т.е. при научном подходе к разработке социальной политики, добро необратимо, что уже доказано необратимостью мирового общественного прогресса. (*Не следует путать регресс с историческими коллизиями, связанными с революционными и контрреволюционными колебаниями на пути общественного прогресса*).

Не является регрессом даже крушение СССР. Нет ни малейшего основания утверждать, что руководство КПСС после Сталина осуществляло в СССР строительство коммунизма, а тем более при строгом соблюдении научных норм. Иными словами, рухнуло «здание», которое более тридцати лет, начиная с Хрущева, уродовали «гиганты мысли», по своему научному потенциалу, не превосходящие ни Чернобырдина, ни Ельцина. Крушение СССР образца 1991 года – это крушение общественного уклада, достроенного на принципах чистейшего ОПОРТУНИЗМА, против которого всегда выступали Маркс, Ленин и Сталин. Поэтому, в историко-философском плане, крушение оппортунистической КПСС не является трагедией большей, чем крах первого и второго Интернационалов, погрязших в оппортунизме, хотя и является несомненной и явной трагедией в жизни миллионов конкретных людей. История наглядно показала, во что обходятся народам мира доверчивость, антинаучность и просто безграмотность в процессе реализации добрых устремлений.

Добро, как частный случай истины, инвариантно. Зло же многообразно, как многообразны заблуждения.

Исторический оптимизм членов партии научного мировоззрения базируется ещё и на том конкретном свойстве прогресса, что невозможно в современном обществе осуществить акт зла по отношению к кому-либо, чтобы это зло не превратилось в свою противоположность. Например, мировые войны, развязанные монополистами по поводу частной собственности на их колониальные владения, по классификации Ленина, являются злом, и поэтому он призывал народ к скорейшему свержению капитализма, чтобы не возникла первая мировая война. Однако пролетариат вовремя не прислушался к мудрым советам. Мировая война всё-таки началась. Поглотив ог-

ромное количество пролетарских жизней, прогнав десятки миллионов русских крестьян через невероятные страдания, война империалистов обнажила своё зло, и оно предстало перед тружениками России во всей своей практической, а не теоретической значимости, что побудило их к действиям, сулящим выход из бессмысленной для трудящихся бойни. Т.е. зло войны сослужило **КОНКРЕТНУЮ** добрую службу политическому просвещению пролетариев России.

Рост массовой политической просвещённости под воздействием сил зла привел к тому, что по итогам второй мировой войны зло было не только отождествлено с фашизмом, но и персонафицировано в лице **конкретного** военного, политического и хозяйственного руководства фашистской Германии. Впервые в истории человечества люди, развязавшие военные действия, были не просто побеждены, а осуждены, как преступники и казнены.

Ещё больше повода для оптимизма несёт себе тот факт, что даже у английского народа хватило интуиции не избрать «победителя в войне», Черчилля, на пост премьер-министра Англии ещё на один срок. Т.е. тяготы второй мировой войны пробудили искры рационального мышления даже у такого закосневшего в традициях насильственной политики по отношению к другим народам, каким являлся народ Великобритании.

Впоследствии война во Вьетнаме на несколько лет отрезвила молодежь США. Но до полного просветления сознания в мире ещё очень далеко, поскольку общественное сознание до сих пор представляет собой смесь массовой классической неграмотности и профессионального крестинизма дипломированных узких специалистов.

Общество пока ещё не доросло до понимания роли предпринимательства вообще в возникновении войн и фашизма, но нет сомнения в том, что новая волна фашизма, охватывающая всё большее количество стран мира, поднимет общественное сознание до понимания следующей объективной истины: чем успешнее происходит накопление капитала в стране, тем больше предприниматели нуждаются в идеях и услугах фашистского толка. Можно ли говорить о господстве какой-либо иной тенденции, если даже СПС (Союз Правых Сил) РФ недавно подписал с Яблоком антифашистский пакт, ПРИЗНАВ, тем самым, нарастание фашистского элемента в стране по мере накопления капитала и роста аппетита у российских предпринимателей всех национальностей. В этом театрализованном акте заключалось море лукавства и цинизма со стороны правых, но то,

что фашизм наступает, это бесспорный факт и отвращающее воздействие зла концлагерей на сознание людей вновь ставится историей в повестку дня.

Примерно по этой же схеме и происходит сегодня формирование массового глобального сознания и, несмотря на безжалостную промывку мозгов современного электората, несмотря на исчезновение СССР, Америку редко кто поминает добром... Да и «евро» было введено в Европе не для того, чтобы облегчить или продлить США жизнь. Более того, флаг США продолжает оставаться самым сжигаемым флагом в мире, в то время как аббревиатура СССР (пока только аббревиатура) приобретает все большее количество поклонников в молодёжной среде всего мира.

Однажды в Москве, участвуя в демонстрации, посвященной 1 мая 2000 г., поравнявшись с гостиницей Интурист, я заметил рослого юношу, спортивного телосложения, стоящего у края тротуара и сосредоточенно рассматривающего проходящую колонну. Он был одет в алую футболку с надписью «СССР» на груди. Это сегодня, в 2006 г., на улицах Москвы в изобилии встречается молодежь в футболках, шарфах или шапочках с этой надписью. А в 2000 году это было ещё экзотикой. Я подошел к юноше и спросил, как понимать это сочетание: его молодость, неизбежная в связи с этим неосведомленность, на фоне обильной лжи в СМИ и, вдруг, надпись «СССР» на его груди? Он начал спокойно разъяснять мне свою позицию на... английском языке. Парень оказался туристом из США.

Поэтому, безусловно важным, с исторической точки зрения, является не изворотливость «спичрайтеров» в области демаркации границ между «империей» зла и рынком добра, а, прежде всего, принципиальное признание мировым общественным сознанием наличия двух теоретических противоположных моделей социального развития человечества и двух действительно **противоположных** социальных систем, настолько противоположных, что одна из них объявляется злом, а другая - добром.

Марксизм - **ЕДИНСТВЕННОЕ** научное течение мысли, утверждавшее, что современное общество подготовлено всем ходом исторического процесса к ЭПОХЕ перехода от рыночной экономики, генерирующей все мыслимые формы зла (в силу господства частной собственности), к экономике, управляемой на основе науки, т.е. знаний о законах **и историческом опыте** расширенного воспроизводства добра в обществе. Однако до сих пор пропагандисты рыночной демократии

продолжают загружать в сознание обывателей «концепцию» случайности, криминальности, заговорщичества, маниакальности всех случаев политической борьбы трудящихся, всех социальных революций, особенно революции, осуществленной пролетариями России в 1917 г.

Ну что ж, очень может быть, что фашисты в очередной раз прочистят извилины витийствующим, как глухари на току, демократам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Разумеется, найдутся читатели, которые спросят: а всё-таки, что же такое добро и что такое зло? Где же здесь определение добра и зла?

В древности, когда практически все были одинаково неграмотными, духовные пастыри поступали просто. Составляли заповеди, а из заповедей, при желании, можно было составить список поступков, относящихся и к «добру», и ко «злу». Не нужно было думать, достаточно было только верить в список. Поэт Маяковский использовал этот приём, обращаясь к детям. Но составлять списки добра и зла в современных условиях – это значит заниматься сифовым трудом.

Автор же предлагает читателям подумать, а не являются ли все случаи, когда человеку, находящемуся в добром здравии, в расцвете биологических сил, становится «вдруг» очень плохо жить, следствием его собственного невежества, глупости, интеллектуальной лености? Иными словами, **не является ли индивидуальное и массовое невежество СУЩНОСТЬЮ зла в любом его проявлении?** Не кажется ли читателю, что зло существует до тех пор, пока существуют невежды? Невежество это нефть в топке зла. Если признать, что это именно так, то рецепт борьбы со злом становится простым и понятным: **обеспечение всестороннего и полного развития каждой личности.**

Но если каждая личность будет всесторонне и полно развита, волнуются рыночники, то где тогда взять миллионы «умных», которые понесут свои деньги в МММ, в «Чару», «Властелину»? Умный человек деньги туда не понесёт. Где же тогда взять сотни миллионов чудачков, которые будут приватизировать собственные квартиры, чтобы превратиться в мелких, беззащитных собственников, у которых любой

олигарх сможет отнимать эти квартиры тысячами? Сегодня в РФ счет изгнанных из частных квартир пока идёт на тысячи. Скоро, после окончания компании по приватизации квартир, счёт пойдет на миллионы.

Где, в условиях всеобщей просвещенности, демократы смогут взять десятки тысяч «умных», которые будут покупать **одну и ту же** квартиру по нескольку раз, как это они делают сегодня? Если всех людей сделать развитыми, т.е. универсально умными, то кто поверит, что «инфляция выросла» сама, а не является узаконенным способом кражи? Все поймут, что инфляцию делают предприниматели и только предприниматели, а платные экономисты, пользуясь доверчивостью и недообразованностью интеллигенции, стараются представить дело так, как будто инфляцию делают «козлы отпущения», т.е. правительство.

Чтобы количество таких «умных» никогда не сокращалось, современная система образования и воспитания людей во всех демократических странах выстраивается таким образом, чтобы дураков было как можно больше. Именно поэтому в РФ стремительно выращивается количество молодых людей, не умеющих читать. Собственно между прибылями фирм и количеством дураков в стране есть прямо пропорциональная связь, и капитал вывозится в ту страну, и автосборочные заводы строятся, прежде всего, в тех странах, в которых больше дураков.

Таким образом, если читатель хочет узнать **определение**, которым руководствуется автор, то **зло**, - есть **необразованный и неразвитый человек**. Его усилиями или по его глупости и совершается всё зло в мире. По крайней мере, на Руси издревле считали, что «услужливый дурак – опаснее врага». «Заставь дурака богу молиться, - говорили наши предки, - он и лоб расшибёт». Хорошо если только свой. Правда, древние греки были несколько строже. Они называли идиотами людей, которые или от рождения были лишены рассудка, или сознательно уклонялись от политической жизни. Но сегодня найти среди российских интеллигентов людей, которые бы понимали, что такое «политическая жизнь» лучше, чем «на майдане» в Киеве, крайне проблематично.

ИСТОРИЯ

ФИЗИК-МАРКСИСТ
А.К. ТИМИРЯЗЕВ

В. Игнатович

19 октября 2005 г. исполнилось 125 лет со дня рождения Аркадия Климентьевича Тимирязева. Краткие биографические сведения о нем можно найти в учебнике «Курс истории физики» известного советского историка физики П.С.Кудрявцева:

Среди московских физиков в первые годы после Октября ведущую роль играл Аркадий Климентьевич Тимирязев.

А.К. Тимирязев родился 19 октября 1880 г. в Москве. Он был сыном выдающегося русского ботаника Климента Аркадьевича Тимирязева.

В своих исследованиях по физиологии растений К.А. Тимирязев широко применял методы и выводы физики и высоко ценил эту науку. Он хотел, чтобы его единственный сын стал физиком. Друзьями К.А. Тимирязева были ведущие физики Московского университета А.Г. Столетов и П. Н. Лебедев. Будущий физик уже с гимназических времен испытал благотворное влияние этих ученых. После окончания гимназии он поступил на математическое отделение Московского университета, где избрал своей специальностью физику, и начал работать у П. Н. Лебедева. Другим учителем А.К. Тимирязева был ученик Столетова Николай Петрович Кастерин (1869–1947). Из зарубежных физиков наибольшее влияние на Тимирязева оказал Д.Д.Томсон, с которым его познакомил отец в 1909 г. во время поездки в Кембридж на юбилей Дарвина.

Мировоззрение А. К. Тимирязева складывалось под глубоким влиянием отца, которого он любил и перед которым преклонялся. Огромное влияние оказали на него и его учителя

А.К. Тимирязев был убежденным материалистом типа Д.Д.Томсона и Л.Больцмана, которого он также высоко ценил и основательно изучал.

Научная деятельность А. К. Тимирязева началась в области кинетической теории газов, которая была главным предметом его преподавания в течение многих лет. Его книга «Ки-

нетическая теория материи», составленная из лекций, читаемых в Московском университете в 1917–1918 гг., первое издание которой вышло в 1923 г., была первым советским учебником по этому предмету. Она ярко характеризует мировоззрение и научные симпатии автора.

Предметом исследования Тимирязева были явления в разреженных газах: внутреннее трение и температурный скачок. Тимирязев исследовал связь между коэффициентом скольжения и температурным скачком теоретически, пользуясь теорией Максвелла, и экспериментально в области давления от 760 до 0,001 мм рт. ст. Он установил в соответствии с исследованиями Кундта и Варбурга, что при больших разрежениях появляется скольжение, пропорциональное длине свободного пробега и, следовательно, обратно пропорциональное давлению:

$$a = a_0/p = c \lambda$$

Величина a_0 связана с температурным скачком простым соотношением:

$$a_0 = (8/15) u$$

Опыты с воздухом и углекислотой подтвердили эти расчеты. Исследование Тимирязева было опубликовано на немецком языке в 1913 г. и в 1914 г. было представлено в Петербургский университет в качестве магистерской диссертации. Оппоненты О. Д. Хвольсон и Н. А. Булгаков дали работе высокую оценку, и Тимирязев получил ученую степень магистра.

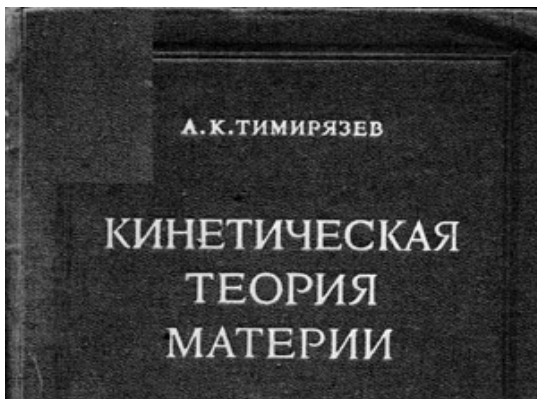
После Октября он и его отец безоговорочно приняли сторону Советской власти, что вызвало к ним враждебное отношение значительной части профессуры. А. К. Тимирязев активно включился в работу по перестройке высшей школы на новых, социалистических началах. Он был одним из организаторов и первых преподавателей рабочих факультетов, членом нового правления университета, членом Государственного ученого совета Наркомпроса. В 1921 г. он был принят в партию решением ЦК без кандидатского стажа. С 1922 г. он возглавлял физи-

ческую предметную комиссию физико-математического факультета.

В университете он читал курсы «Введение в теоретическую физику», «Кинетическая теория материи» и руководил семинаром по статистической физике. Из этого семинара вышли ряд видных советских физиков: М.А. Леонтович, А.А. Андронов, А.А. Витт, В.Л. Грановский и другие. А.К. Тимирязев вел также большую популяризаторскую работу. Им, в частности, была прочитана первая в Советской России лекция о внутриатомной энергии. Популяризируя достижения ведущих современных физиков – Бора, Резерфорда, Эйнштейна, Планка, – Тимирязев, однако, критически относился к теории относительности, разделяя отношение к ней Д.Д. Томсона и своего учителя Н.П. Кастерина.

В последние годы жизни А. К. Тимирязев руководил кафедрой истории физики. Ему принадлежит ряд статей о М. В. Ломоносове, А. Г. Столетове, П. Н. Лебедеве и других ученых. Он был редактором трехтомного собрания сочинений А. Г. Столетова, избранных трудов (в одном томе) А.Г. Столетова

и П.Н. Лебедева. Под его редакцией вышла книга «Очерки по истории физики в России», «История физики» П. С. Кудрявцева (т. I, 1948). Умер А. К. Тимирязев 15 ноября 1955 г. .

Но мы сегодня вспоминаем А.К.Тимирязева не потому, что он, как и его отец, безоговорочно принял сторону Советской власти, что он активно включился в работу по перестройке высшей школы. Мы обращаемся к фигуре А.К.Тимирязева потому, что он был один из крайне малочисленных физиков-марксистов, тех физиков, которые знали марксизм и стремились применить его в физике, боролись за материализм в физике, против идеализма, позитивизма и прочих враждебных марксизму течений.

В этой борьбе А.К.Тимирязев вместе с другими физиками-материалистами потерпел поражение. Физики, работавшие в СССР – проводники идеалистических, позитивистских, махистских воззрений в союзе с полужныками и карьеристами,

имея перевес в силе, сумели дискредитировать А.К.Тимирязева и его деятельность еще во второй половине 1920-х гг. Ложные и тенденциозные оценки его взглядов и деятельности

* Пример такого рода оценки: «Один из лидеров «механистов», А. К. Тимирязев, обвинял современную физику в идеализме, поскольку она отказалась от наглядных механических моделей и заменила их абстрактно-математическими построениями. Отождествив теорию относительности А. Эйнштейна с махизмом, Тимирязев называл основателя теории относительности реакционером в науке, который будто бы способствовал попятному движению научного знания. Столь же нигилистично было его отношение к квантовой механике. С отказом в ней от механистически-наглядных моделей он связывал кризисное состояние всей современной физики» []. Введение в философию: Учеб. пособие для вузов / Авт. колл.: Фролов И. Т. и др. - 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Республика, 2003. - 623 с.

давно вошли в учебники и энциклопедии, в быденное сознание не одного поколения физиков*.

Но автор обращается к его имени, главным образом, не только потому, что желает восстановить историческую справедливость, доброе имя профессора-коммуниста. Дело в том, что, по глубокому убеждению автора, без изучения работ и деятельности А.К.Тимирязева (а также многих других физиков, работавших в первой трети XX века),

невозможно объективно оценить развитие теоретической физики в XX в., ее современное состояние, а также определить перспективные направления ее дальнейшего развития.

Объективную оценку деятельности и работ А.К.Тимирязева можно дать только в том случае, если исходить из объективной оценки состояния физики (и естествознания в целом) в ту эпоху, в которую он жил и творил. Разумеется, объективной может быть только марксистская оценка. Чтобы дать такую оценку, необходимо написать не одну статью. В настоящей статье автор намерен дать введение в проблему.

Фридрих Энгельс писал во второй половине 1870-х гг. в «Старом предисловии к «Анти-Дюрингу»»: «Эмпирическое естествознание накопило такую необъятную массу положительного материала, что в каждой отдельной области исследования стала прямо-таки неустранимой необходимостью упорядочить этот материал систематически и сообразно его внутренней связи. Точно так же становится неустранимой задача приведения в правильную связь между собой отдельных областей знания. Но, занявшись этим, естествознание вступает в теоретическую область, а здесь эмпирические методы оказываются бессильными, здесь может оказать помощь только теоретическое мышление. Но теоретическое мышление является прирожденным свойством только в виде способности. Эта способность должна быть развита, усовершенствована, а для этого не существует до сих пор никакого иного средства, кроме изучения всей предшествующей философии» (Ф. Энгельс, т.1, с.366).

Он также писал: «...Именно диалектика является для современного естествознания наиболее важной формой мышления, ибо только она представляет аналог и тем самым метод объяснения для происходящих в природе процессов развития, для всеобщих связей природы, для переходов от одной области исследования

к другой» (Ф. Энгельс, т.1, с.366); «точное представление о вселенной ... может быть получено только диалектическим путем» (Ф. Энгельс, т.2, с.20).

И еще: «Освобожденная от мистицизма диалектика становится абсолютной необходимостью для естествознания, покинувшего ту область, где достаточны были неподвижные категории, представляющие собой как бы низшую математику логики, ее применение в условиях домашнего обихода» (Ф. Энгельс, т.1, с.520).

Что из этого всего следовало, особенно, если учесть, что Энгельс употребил слова «абсолютная необходимость»? Только одно: дальнейший прогресс теоретического естествознания невозможен без сознательного применения естествоиспытателями материалистической диалектики.

Теперь спросим: каковы были перспективы во времена Энгельса применения естествоиспытателями материалистической диалектики?

Энгельс: «...и до сих пор можно по пальцам пересчитать естествоиспытателей, научившихся мыслить диалектически» (Ф. Энгельс, т.2, с.22).

Он же писал: «Если теоретики являются полужайками в области естествознания, то современные естествоиспытатели фактически в такой же мере являются полужайками в области теории, в области того, что до сих пор называлось философией» (Ф. Энгельс, т.1, с.366).

«Какую бы позу ни принимали естествоиспытатели, над ними властвует философия. Вопрос лишь в том, желают ли они, чтобы над ними властвовала какая-нибудь скверная модная философия, или же они желают руководствоваться такой формой теоретического мышления, которая основывается на знакомстве с историей мышления и ее достижениями» (Ф. Энгельс, т.1, с. 525).

Такой формой, необходимой естествоиспытателям, была разработанная К.Марксом и Ф.Энгельсом материалистическая диалектика. Именно в ней были подытожены результаты двухтысячелетнего развития философии.

Теперь спросим: как можно овладеть материалистической диалектикой? Тоже понятно.

«...Теоретическое мышление является прирожденным свойством только в виде способности. Эта способность должна быть развита, усовершенствована

на, а для этого не существует до сих пор никакого иного средства, кроме изучения всей предшествующей философии» (Ф. Энгельс, т.1, с.366).

Впрочем, Энгельс высказывал предположение, что естествоиспытатели, анализируя и обобщая факты, станут усваивать диалектику. Он писал в предисловии ко второму изданию «Анти-Дюринга»:

«Но может статься, что прогресс теоретического естествознания сделает мой труд, в большей его части или целиком, излишним, так как революция, к которой теоретическое естествознание вынуждается простой необходимостью систематизировать массу накапливающихся чисто эмпирических открытий, должна даже самого упрямого эмпирика все более и более подводить к осознанию диалектического характера процессов природы (**подчеркивания мои** – В.И.)» (Ф. Энгельс, т.2, с.13). «...Во всяком случае естествознание подвинулось настолько, что оно не может уже избежать диалектического обобщения» (там же, с.14).

А что же происходило в физике в конце XIX – начале XX века? Начали ли физики мыслить диалектически?

О том, что происходило в физике, можно прочитать, например, в книге В.И.Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», особенно в главе V «Новейшая революция в естествознании и философский идеализм».

В первом разделе этой главы, который называется «Кризис современной физики», Ленин цитирует А.Рейя: «Традиционная физика до половины XIX века принимала, что достаточно простого продолжения физики, чтобы получить метафизику материи. Эта физика придавала своим теориям онтологическое значение. И эти теории были всецело механические. Традиционный механизм (Рей употребляет это слово в особом смысле системы взглядов, сводящих физику к механике) «представлял таким образом, сверх результатов опыта, за пределами результатов опыта, реальное познание материального мира. Это не было гипотетическое выражение опыта, – это была догма...» (В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т.1, с.269).

Ленин комментирует: «Здесь мы должны прервать почтенного “позитивиста”. Ясно, что он рисует нам материалистическую философию

традиционной физики, не желая назвать черта (т. е. материализм) по имени» (В.И. Ленин, там же).

Далее Ленин снова цитирует А.Рейя: «...Критические замечания против традиционного механизма, которые были сделаны во второй половине XIX века, подорвали эту предпосылку онтологической реальности механизма. На этой критике утвердился философский взгляд на физику, который стал уже почти традиционным в философии конца XIX века. Наука, по этому взгляду, не более как символическая формула...» (В.И. Ленин, там же).

Ленин резюмирует: «Следовательно, в философском отношении суть «кризиса современной физики» состоит в том, что **старая физика видела в своих теориях «реальное познание материального мира», т. е. отражение объективной реальности. Новое течение в физике видит в теории только символы, знаки, отметки для практики, т. е. отрицает существование объективной реальности, независимой от нашего сознания и отражаемой им. Если бы Рей держался правильной философской терминологии, то он должен был бы сказать: материалистическая теория познания, стихийно принимавшаяся прежней физикой, сменилась идеалистической и агностической, чем воспользовался фидеизм, вопреки желанию идеалистов и агностиков» (В.И. Ленин, т.1, с.271).**

Обратим внимание на слова, выделенные нами жирным шрифтом: **старая физика** видела в теориях отражение объективной реальности, **новая физика** отрицает существование объективной реальности. Не философы, извращающие результаты физики отрицают существование объективной реальности, пишет Ленин, а новая физика отрицает существование объективной реальности, принимая идеалистическую и агностическую теорию познания.

Далее Ленин снова много цитирует и комментирует А.Рейя, а в конце раздела пишет: «Суть кризиса современной физики состоит в ломке старых законов и основных принципов, в отбрасывании объективной реальности вне сознания, т. е. в замене материализма идеализмом и агностицизмом» (В.И. Ленин, т.1, с.272–273).

Еще раз подчеркнем: кризис физики состоит в замене материализма идеализмом. В физике, а не в философии материализм заменяется идеализмом.

Во втором разделе этой главы Ленин, в частности, написал, что Рей «вынужден констати-

ровать, что среди новейших физиков есть продолжатели традиции **«механизма»** (т. е. **материализма**). По пути «механизма», – говорит он, – идут не только Кирхгоф, Герц, Больцман, Максвелл, Гельмгольц, лорд Кельвин. «Чистыми механистами и с известной точки зрения более механистами, чем кто бы то ни было, представляющими из себя последнее слово (*l'aboutissant*) механизма, являются те, кто вслед за Лоренцом и Ларморов формулируют электрическую теорию материи и приходят к отрицанию постоянства массы, объявляя ее функцией движения. Все они механисты, ибо они за исходный пункт берут реальные движения» (**подчеркивания Рея**, с. 290–291) (В.И. Ленин, т.1, с.279).

Приведем еще одно место из этого раздела:

«Когда Рей говорит, что среди новых физиков есть «реакция против концептуалистской (махистской) и энергетической школы», и когда он к представителям этой реакции относит физиков электронной теории, – то лучшего подтверждения того факта, **что борьба идет, по сути дела, между материалистическими и идеалистическими тенденциями, мы не могли бы и желать**» (В.И. Ленин, т.1, с.281).

Обратим внимание на такие выражения, «механизм» (т. е. материализм), «механисты за исходный пункт берут реальные движения», среди физиков идет борьба между материалистическими и идеалистическими тенденциями.

Разделы 4–6 имеют однотипные названия: «Два направления в современной физике и английский спиритуализм», «Два направления в современной физике и немецкий идеализм», «Два направления в современной физике и французский фидеизм». В каждом из этих разделов, в соответствии с названиями, обсужда-

ются два направления в физике. Не направления в современной философии или современной философии физики, или философских вопросов физики, а именно в самой физике.

В этих разделах Ленин делает вывод: в современной физике есть две школы, одна из которых признает объективную реальность, отражаемую теорией, а другая это отрицает, считая теорию только систематизацией опыта и т.п.

Таким образом, можно констатировать, что стихийное развитие физики не привело к торжеству в ней диалектико-материалистического мировоззрения. А, наоборот, к появлению и распространению позитивизма и идеализма.

В статье «О значении воинствующего материализма» Ленин писал:

*«Надо помнить, что именно из крутой ломки, которую переживает современное естествознание, родятся сплошь да рядом реакционные философские школы да школки, направления и направленьица... Мы должны понять, что без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного мирозерцания. Чтобы выдержать эту борьбу и провести ее до конца с полным успехом, естествознавец должен быть современным материалистом, сознательным сторонником того материализма, который представлен Марксом, то есть **должен быть диалектическим материалистом**»* (В.И. Ленин, т.3, с.29-30).

Обратим внимание на категоричность Ленина: только сознательные сторонники диалектического материализма могут противостоять восстановлению буржуазного мирозерцания.

Февраль 2006

О «СТОЛКНОВЕНИИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ»

С. Зубатов

1. ТОЛЕРАНТНОСТЬ И «ОСКОРБЛЕНИЕ ЧУВСТВ ВЕРУЮЩИХ»

Г-да муллы подняли вселенский вой, подержанный некоторыми «мультикультуралистами» на Западе и в России, что публикация карикатур на Магомета запрещена, видите ли, исламом, а потому-де является оскорблением религиозных чувств мусульман и, соответственно, свидетельством отсутствия в европейской культуре той самой толерантности, к которой Запад так настойчиво всех призывает. Реагируют разные люди на этот вой по-разному: кто-то начинает оправдываться, кто-то — звереть, кто-то — потешаться, но почему-то мало кому приходит в голову указать на ту грубую подтасовку, которая лежит в самой его основе.

Начнём с того, что если подходить с тех позиций, которые навязывают нам муллы, то — с точки зрения христиан — их «священный» кожан является ни чем иным, как *ересью*, причём ересью самого гнусного и оскорбительного толка, прямо отрицающей «божественную сущность господина нашего Иисуса Христа». И, следовательно, является он грубейшим оскорблением религиозных чувств христиан. Сам же автор этого богопротивнейшего пасквиля — т.е. г-н Магомет — является богохульником, по которому (вместе со всем его творчеством) кость плачет огненными слезами.

Точно так же богохульникам являются возмнивший себя богом Христос (за что его вполне логично и распяли) со своими последователями и их еретическим новым заветом — с точки зрения иудеев. И точно так же разные христианские конфессии на протяжении веков дружно обвиняли друг друга в ереси, богохульстве и различных более мелких грехах, что вело к нескончаемым религиозным войнам, всевозможным погромам, запретам и т.д. и т.п.

И вот именно как выход из этого бесконечного цикла взаимных обид, обвинений и насилия и родилась идея *веротерпимости* или *религиозной толерантности*, заключающаяся отнюдь не в том, чтобы «не оскорблять друг друга» — поскольку это невозможно, т.к. само наличие альтернативной веры, предписывающей её последователям иные, чем тебе, ритуалы и ограничения, является оскорбительным, если человек **хочет** оскорбиться — а в том, чтобы **не оскорбляться** на том лишь основании, что кто-то другой не делает того, что предписывается тебе твоей верой или наоборот — делает то, что твоя вера тебе запрещает.

Иными словами, краеугольный камень религиозной толерантности — это подход к вере как к делу **сугубо личному**, которое касается тебя и **только** тебя, и вытекающий из этого полный и безусловный отказ от своего «права» оскорбляться, когда другие «богохульствуют» или каким другим способом не следуют **твоим личным** представлениям о «богоугодной жизни». Не говоря уж о том, чтобы пытаться **навязать** другим свои представления об оной.

Вот из этого нам и следует исходить при оценке сей «карикатурной истории». Полное отсутствие толерантности в ней проявляют отнюдь не те, кто напечатал и перепечатал эти карикатуры, а как раз возмущающиеся ими мусульмане — причём прошу заметить: не только бесчинствующее хулиганье, а вообще **все** те мусульмане, которые выражают хоть малейшее недовольство публикацией (т.е. фактически все, чьё мнение так или иначе было обнародовано в прессе), пусть даже они при этом и страстно осуждают хулиганов. С позиций религиозной толерантности, мусульманам просто не должно быть абсолютно никакого дела до этих карикатур, они не должны их ни оскорблять, ни вообще интересоваться — точно так же, как толерантным христианам (каковыми,

разумеется, являются не все христиане) нет дела до богохульского корана, а толерантным иудеям (аналогичное уточнение) — до богохульского нового завета.

Следует также всегда помнить, что идея религиозной толерантности отнюдь не подразумевает какую-то специфически «межгосударственную толерантность». Более того, она скорее специфически **отрицает** подобную концепцию — т.е. связывание религии с национальной или этнической принадлежностью, поскольку, как уже было сказано, религия — это вещь *личная* и, как таковая, не может (и **не должна!**) быть навязана человеку против его воли, где бы он ни жил, какого бы цвета паспорт ни носил в кармане, и кто бы ни были его родители. Из чего прямо следует недопустимость такого понятия, как «государственная религия», а также недопустимость любых действий государства, направленных на защиту той или иной религии или группы религий. Напротив, любое государство **обязано** защищать своих (а также иностранных) граждан, которые стали жертвами преследования со стороны любой (и в первую очередь — доминирующей) религиозной организации «за оскорбление чувств верующих». К примеру, если бы правительство Саудовской Аравии было привержено принципам веротерпимости, оно не должно было бы видеть абсолютно ничего предосудительного (ну, кроме разве что эстетических соображений) в том, чтобы кто-нибудь открыл напротив самой главной мечети в Мекке пивную и изобразил на её рекламе аллаха с Магомедом, закусывающих поросёнком с хреном. А если прихожане с паломниками начали бы возмущаться, должно было, во-первых, обеспечить этой пивной и её посетителям (в том и числе тем, что направились туда прямо из мечети или наоборот — решили заглянуть в мечеть, перекусив предварительно сосисками с кружкой пльзеньского) надлежащую охрану, чтобы возмущение не перешло в насилие, а во-вторых, начать кампанию разъяснения среди возмущающихся на тему терпимости к чужим верованиям, и почему их возмущение **абсолютно нормальным** для людей иной веры поведением — глупо и недостойно членов культурного и толерантного цивилизованного общества.

И ещё один момент, о котором не следует никогда забывать, это что начавшееся было обсуждаться в прессе «право на богохульство» яв-

ляется, на самом деле, вопросом не столько свободы слова, сколько *свободы совести* — т.е. правом действовать исходя из **своих собственных** убеждений, без оглядки на то, считает ли кто-либо другой эти твои действия «богохульскими» или нет. Или, если выразить это другими словами, с позиций веротерпимости понятие богохульства имеет смысл лишь в контексте той группы людей, все члены которой разделяют твои представления об «истинной вере» и **добровольно** согласны прислушиваться к твоему мнению о том, что следует считать богохульством, а что нет. Все же прочие люди, **не** являющиеся твоими единоверцами, богохульствовать (с твоей точки зрения) не могут в принципе — что бы они ни говорили и ни делали — по той простой причине, что, поскольку они верят в нечто отличное от того, во что веришь ты, *твое* представление о богохульстве для них недействительно, а что является и что не является богохульством в их представлении, вытекающем из *их* веры — судить не тебе.

Из сказанного должно быть уже ясно, что исходя из принципов религиозной толерантности вообще некорректно делить страны на «христианские», «мусульманские» и т.д., а после этого «толерантно» заявлять, что пусть где «мусульмане» живут так, как они того хотят, мы, «христиане», не имеем права им указывать. Да, не имеем, но не «мы, христиане» «им, мусульманам», а один человек или группа людей — другому человеку или группе людей, вне зависимости от того, в разных они странах живут или через дорогу, на разных языках говорят или на одном и том же, одинаково называют своего бога (богов) или по-разному и верят ли они в бога вообще. Современные «христианские» страны — это, в действительности, как раз страны **не** христианские, а *секулярные* — т.е. **религиозно нейтральные**, в которых каждый может исповедовать ту религию, какую ему бог на душу положит (считай, в самом что ни на есть прямом смысле слова), или не исповедовать никакой религии вообще. Тогда как мусульманские страны — это страны именно **мусульманские**, страны, если хотите, *религиозного тоталитаризма*, где ислам **силой навязывается** людям — вне зависимости от того, хочется им самим в него верить или нет, причём навязывается в самой жестокой и репрессивной форме, когда ослуш-

никам за неподчинение грозит тюремное заключение или даже смерть*, иногда — мучительная. И часто не только самим ослушникам, но и их семьям. Говорить в подобной ситуации: «пусть мусульмане живут так, как они хотят» **в корне** неверно, поскольку **на самом деле** эта фраза является не более чем эвфемизмом для «давайте безропотно позволим правительствам мусульманских стран безнаказанно подавлять свободу совести и заставлять граждан этих стран жить не так, как **они сами** того хотят, а так, как указывают им **муллы**».

«Толерантно» наблюдать, как в Иране, например, преследуют «плохих мусульман» — это всё равно, как если бы в каком-нибудь европейском городке власть захватили, скажем, католики и начали вешать «своих» протестантов (не говоря уж о мусульманах и прочих иудеях с буддистами) на том основании, что это — «католический город». Подобное поведение было бы если и «толерантностью», то толерантностью не по отношению к различным религиям, а по отношению к **преступникам**, жертвами которых являются в первую очередь те, кого этим преступникам заблагоприспичилось объявить «своими». И оправдание подобной «толерантности» — это ни что иное, как **предательство** принципов действительной толерантности, уступка преступникам из страха перед ними или просто «нежелания связываться», предательство тех, кому nepосчастливилось родиться на территории, объявленной бандитами «своей».

2. «РАЗЖИГАНИЕ МЕЖРЕЛИГИОЗНОЙ РОЗНИ»

Эту статью в последнее время всё чаще и чаще пытаются поставить с ног на голову. В Англии правительство Тони Блэра только что** попыталось (к счастью — безуспешно) проташить закон, по которому «богохульство» приравнивалось бы к уголовному преступлению, поскольку оно «оскорбляет чувства верующих» и, тем самым, «разжигает межрелигиозную рознь». (То, что богохульствуют люди чаще всего в отношении **своей собственной** религии, г-ну Блэру в голову, похоже, не приходит.) И самое забавное в этой истории то, что подобная инициатива исходила от **лейбористского** правительства, которое по самой своей сути должно бы быть хоть слегка прогрессивным, а наибольшее сопротивление она получила в палате пэров — т.е., по идее, самом реакционном институте английской государственной машины. Такое впечатление, что российская «право-левая дизлексия» времён перестройки оказалась разрозной.

И в России случилось нечто подобное: генпрокуратура начала расследование, в ходе которого «будет дана правовая оценка сложившейся ситуации и решён вопрос о наличии признаков состава преступления, предусмотренного статьёй 282 УК РФ — возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, в том числе и по признаку отношения к религии». При этом, как пишет «Труд»:

* Уже после написания статьи весь мир облетела история Абдула Рахмана, гражданина Афганистана, перешедшего из ислама в христианство, которого не казнили лишь благодаря беспрецедентному международному давлению, оказанному на президента Карзая (и подкреплённому, что, вероятно, оказало немаловажное влияние, присутствием в стране американских и британских войск). Но даже и эта победа здравого смысла и цивилизации над мракобесием и дикостью является пока победой лишь формальной: уголовное дело против «преступника» было прекращено не «в связи с отсутствием состава преступления», а под «дипломатичным» предлогом его, якобы, «психической ненормальности». При этом множество афганских мулл открыто требовали казни вероотступника и даже призывали к его убийству уже после освобождения. Однако для них — действительных преступников — в афганском законодательстве подходящей статьи почему-то не нашлось. А парламент Афганистана тем временем делал всё от него зависящее, чтобы недопустить отъезда Рахмана из страны — что практически с гарантией привело бы к его смерти в результате инспирированного муллами самосуда.

** См. дату написания статьи.

Поводам для проверки стала публикация в волгоградской газете «Городские вести» в качестве иллюстрации к статье «Расистам не место во власти» рисунка с изображением Христа, Моисея, Будды и Мухаммеда, которые смотрят телевизор. На экране телевизора показывают две готовых к драке группы людей. Подпись под рисунком гласит: «А ведь мы их этому не учили».

Нельзя сказать, что логику английских властей понять совершенно невозможно. (Логика властей российских понять довольно просто: она заключается в словах «иллюстрации к статье «Расистам не место во власти»».) Непроявление «должного уважения» к исламу непременно «оскорбит» какого-нибудь не в меру «праведного» муллу, который в результате тут же завопит: «аллах акбар!», соберёт вокруг себя толпу, произнесёт прочувствованную речь с обильным включением словосочетания «смерть им всем!» и вот, пожалуйста — межрелигиозная рознь налицо. Всё это, конечно, так, однако обвинять в данном случае в разжигании межрелигиозной розни не муллу, а того, на кого он «обиделся» — это всё равно что обвинять в уличной драке не хулигана, а того, кто оказался у него на пути без шляпы (или в шляпе); в ограблении — не вора, а того, кто «соблазнил малого сего» видом дорогого телевизора через окно; в изнасиловании — не насильника, а его жертву, за то, что «одела слишком короткую юбку» и т.п.

Статья за разжигание межрелигиозной розни — статья, безусловно, крайне важная и нужная. Но писалась она всё же для того, чтобы преследовать в уголовном порядке тех, кто, пользуясь разного рода надуманными предлогами, что его, дескать, «обидели», **призывает к насилию**, а вовсе не для того, чтобы напротив — оправдывать этих **призывающих к насилию преступников**, перекладывая вину с них на их «обидчиков» и вероятных будущих жертв.

И уж совсем комично (если б не было так грустно) звучат обвинения в адрес «богохульников» в «разжигании межэтнической розни», а то и в «расизме». Особенно из уст европейских и американских прозелитов образцовой арийской наружности.

3. «ДВОЙНЫЕ СТАНДАРТЫ»

Разумеется, было бы достаточно глупо пытаться выставить современные буржуазные демократии Запада в качестве эдаких «идеальных обществ», совершенно неподверженных двойным стандартам, однако текущие обвинения их в этом грехе, связанные с публикацией карикатур — такая же грубейшая и бесстыднейшая подтасовка, как и разглагольствования о «нетолерантности». Да, нередко два *внешне* очень похожих — в каком-то аспекте — события оцениваются **очень** по-разному, но далеко не всегда подобная разница в оценках свидетельствует о наличии двойных стандартов. Строго формально, маньяк-убийца, изнасиловавший, замучивший и убивший 10 женщин, и партизан времён ВОВ, уничтоживший 10 эсэсовцев-карателей, совершили одно и то же действие: убили 10 человек, однако справедливо ли будет назвать тот факт, что первого расстреляли, а второго наградили орденом, - «проявлением двойных стандартов»? Ответ, я думаю, излишен. Или взять другой пример: хорошо известна поговорка, что «в доме повешенного не говорят о верёвке», но правильно ли будет назвать это *этическое* ограничение «нарушением свободы слова», запретом на «публичное обсуждение вопросов смертной казни»? Вряд ли даже очень предвзятому человеку придёт в голову утверждать подобное.

Однако именно подобного рода «аргументацией» и занимаются муллы, пытаясь противопоставить карикатурам на Магомета карикатуры на трагедию погибших в немецких концлагерях евреев. Можно спорить о том, сколько их там точно погибло, 6 миллионов, как это принято считать, или в несколько раз меньше, составляли они основную массу уничтоженных или наоборот — лишь незначительную её часть, преследовали их сильнее, чем представителей некоторых других национальностей или нет, но то, что это — **трагедия, реально вошедшая в дом огромного количества людей**, является объективным и бесспорным историческим фактом. Причём до сих пор ещё живы бывшие узники концлагерей и их родственники, для которых произошедшее — не какая-то абстрактная история, прочитанная в учебнике, а **личная трагедия**. Потешаться же над личной трагедией — это не «вопрос свободы слова», это то, за что, как говорится, «в приличном обществе морду бьют». (И правильно делают.)

А сейчас может ли кто-нибудь объяснить, что же за трагедия такая связана **хотя бы у одного** мусульманина с личностью (а также «честью и достоинством») г-на Магомета? Может быть, он является чьим-то дедушкой, и этому кому-то ужасно неприятно, когда над одним из его ближайших родственников потешаются или поносят каким-либо образом? Обратимся в качестве аналогии опять к фашистам. Да, если чей-то дед воевал в войсках СС, потому что его в них призвали, потому что он был одурачен геббельсовской пропагандой, потому что он был патриотом — но при этом сам по себе был, в целом, честным и порядочным человеком, то настаивать в присутствии его внука, что «все эсэсовцы — сволочи» — это было бы не вполне тактично. Даже в случае, если в действительности представления внука о моральном облике деда несколько, скажем так, идеализированы. Всё равно, возможно, было бы лучше не бередить старые раны и не поднимать этот, мало на что сегодня влияющий, вопрос. Однако если сей малолетний потомок эсэсовца вдруг заявляет, что он, дескать, и к Гитлеру относится, как к родному и даже больше чем родному, а поэтому говорить что-то плохое о Гитлере — это «оскорблять его чувства», то вопрос, очевидно, меняется кардинально. В этом случае мы имеем дело уже отнюдь не с простительным (до какой-то степени) сентиментальным всепрощением по отношению к близким родственникам, а с *политическим демаршем*, неприкрытой попыткой оправдать фашизм, т.е. фактически — с **фашистской пропагандой**.

ОТСТУПНИКИ ИСЛАМА

Поль Маршалл

Случай с афганским обращённым не уникален

Известие, что Абдул Рахман, несмотря на попытки афганского парламента в последний момент помешать ему выехать, получил убежище в Италии, вызвали всеобщий вздох облегчения. Но сейчас неподходящий момент, чтобы забыть о проблеме. Случай Рахмана — афганского христианина, судимого за караемое смертью преступление отступничества — не единственный даже в Афганистане и необычен лишь тем, что, в кои-то веки, мир обратил внимание и потребовал его освобождения. Тогда как в бессчётном числе аналогичных ситуаций мир безмолствовал.

Двое других обратившихся в христианство афганцев были арестованы в марте, но из соображений безопасности местные жители попросили, чтобы их имена и местонахождение не разглашались. В феврале полиция провела обыски в домах других обращённых.

Некоторые другие мусульманские страны имеют законы, схожие с афганскими. Наряду с прочими разбойными действиями, в последние 10 лет Саудовская Аравия казнила людей за преступления отступничества, ереси и богохульства. Смертная казнь за отступничество содержится также в законодательстве Ирана, Судана, Мавритании и Коморских Островов.

В 1990-х Исламская Республика Иран использовала расстрельные отряды против обращённых, в том числе против известных протестантских лидеров, и при президенте Махмуде Ахмадинежаде ситуация лишь ухудшилась. В настоящее время режим проводит активную кампанию по выявлению и переобращению или уничтожению тех, кто перешёл из ислама в другую религию.

Иран также считает бахаи исламскими еретиками и не признаёт за ними никаких юридических прав, включая права на жизнь: их разрешено убивать безнаказанно. Двадцатого марта Асма Джахангир, специальный наблюдатель ООН по вопросам религиозной свободы, сделал достоянием публики секретное письмо, разосланное 29 октября 2005 года председателем штаб-квартиры командования иранских вооружённых сил. В письме говорится, что верховный вождь аятолла Хаменеи указал штаб-квартире командования выявлять бахаи и следить за их действиями, а также попросил министерство информации, революционную гвардию и полицейские силы собирать всю возможную информацию о них.

Другие страны, такие как Египет, не имеющие законов против отступничества, используют вместо них законы против «оскорбления ислама» или «организации сектантских раздоров». В 2003 году египетские органы безопасности арестовали 22 обращённых, а также людей, помогавших им. Некоторые из них были подвергнуты пыткам, а один, Абдул Фатхр, погиб в заключении. В прошлом году, полиция высекла кнутом Гасира Мохамеда Махмуда и выр-

вала ему ногти на ногах, после чего ему было сказано, что он останется в тюрьме до тех пор, пока не откажется от христианства.

Хотя на эту тему и не проводилось систематических исследований и многие случаи наказаний остались неизвестными, выглядит так, что собственно инициированные государством казни происходят реже, чем убийства фанатиками, толпами или членами семьи, иногда с ведома государства. В последние 2 года в Афганистане воинствующие исламисты убили по крайней мере 5 обращённых из ислама христиан.

Фанатиками были убиты, избиты и подвергнуты угрозам обращённые в Пакистане, на Палестинских Территориях, в Турции, Индонезии, Сомали и Кении. В ноябре иранский обращённый Горбан Дорди Турани был зарезан группой фанатичных мусульман. В декабре на нигерийского пастора Зачеуса Хабу Бу Нгвенче было совершено нападение за, якобы, укрытие обращённого. В январе в Турции Камил Кируглу был избит до потери сознания, ему угрожали смертью если он не откажется от своей христианской веры и не возвратится в ислам.

В это же время, 21 марта алжирский парламент одобрил новый закон, требующий тюремного заключения на срок от 2 до 5 лет и штрафа в размере от 5 до 10 тыс. евро для любого, кто «пытается убедить мусульманина перейти в другую религию». То же наказание предусматривается и для любого, кто «хранит или распространяет публикации или аудио-визуальные или другие материалы, направленные на дестабилизацию приверженности исламу».

Обращённые и бахаи — не единственные жертвы подобного насилия. Ахмади, которых многие мусульмане считают еретиками, разделяют их страдания по всему мусульманскому миру. В число жертв входят также многие мусульмане, ставящие под сомнение строгую интерпретацию ислама. В традиционно умеренной Индонезии Юсман Рой отбывает двухлетний тюремный срок за то, что проводил службы на индонезийском и арабском языках, а не только на арабском.

Проблемы Абдула Рахмана — это не более чем вырешка айсберга. Как и насилие, связанное с датскими карикатурами на Мухаммада, или требование аятоллы Хомейни, чтобы Салман Рушди был убит за богохульство, они демонстрируют систематические, распространяющиеся на весь мир попытки исламистов посадить, убить и другими способами заткнуть рот любому, кто оспаривает их идеологию.

Мы должны пойти дальше индивидуального случая Абдула Рахмана и добиваться настоящей религиозной свободы во всём мусульманском мире. А в особенности мы должны добиваться отмены законов против отступничества, богохульства, ереси и «оскорбления ислама». Они направлены на то, чтобы оградить доминирующую, реакционную интерпретацию ислама от любой критики. И поэтому — поскольку политика и религия тесно связаны — они направлены на невозможность достижения политической свободы.

10 апреля 2006

Перевод из «Викли Стандарт»

<http://www.weeklystandard.com/Content/Public/Articles/000/000/012/059fpgrn.asp>

И опять же, именно этим и занимаются муллы, настаивая, что Магомет — «это их всё». Да, человек испытывает вполне естественные чувства привязанности к своим близким, и окружающие обязаны учитывать эти чувства и стараться, *по возможности*, не говорить худого о людях в присутствии их родственников — даже если эти люди заслуживают того. Но этот, нормальный в цивилизованном обществе, принцип стремления не обидеть другого не может и не должен трактоваться как «право» кого-то или какой-либо самопровозглашённой группировки объявить приглянувшегося им политического деятеля «ближе всех близких для миллиарда человек» и на этом основании полностью вывести его из под общественной критики под видом «защиты чувств» этого миллиарда. Не говоря уж о том, что даже при жизни любой человек, идущий в политику или каким-либо другим способом становящийся «общественной фигурой», влияющей на жизнь и мысли других людей, не может рассчитывать на то, что «из чуткости к его и его родственникам чувствам» его не будут критиковать, причём критиковать, если потребуется, очень жёстко и беспощадно.

Но даже — **даже** — если проигнорировать всё сказанное, даже и в этом случае обвинения Запада в «двойных стандартах» в связи с публикацией карикатур на Магомета — это не более чем дешёвая демагогия. Газета, опубликовав-

шая их, отказалась печатать карикатуры, оскорбительные для евреев. Но с какой, спрашивается, стати, она вообще обязана была это делать? Из принципов свободы слова никоим образом не следует, что каждый, кто посмел сказать что-то, что *он сам* хотел сказать, обязан как попугай повторить также и всё, что продиктовали ему те, кому сказанное чем-то не понравилось. Из них следует лишь то, что эти другие также должны иметь возможность сказать то, что считают нужным — и именно это и сделали муллы, опубликовав в одной из принадлежащих им европейских газет карикатуру про Гитлера и Анну Франк. И никто — заметьте — не потребовал закрыть эту газету, четверговать художника и редакторов или хотя бы даже вышел на демонстрацию протеста. Хотите сами себя выставить подонками — на здоровье, никто вам мешать в этом не будет. (А уж о такой дикости, как возможности поджога иранских посольств или хотя бы их осады, даже подумать смешно.)

4. ИСЛАМСКАЯ «ДЕМОКРАТИЯ»

Наши доморощенные «исламофилы» любят к месту и не к месту подчёркивать, что правительства многих исламских государств были «избраны демократическим путём». На что им, по-видимому, следует напомнить, что правительство Адольфа Гитлера в Германии тоже было «избрано демократическим путём». Что, однако, ни в малейшей степени не делает фашистский режим хоть отдалённо похожим на буржуазную демократию. И это при том, что в Германии те выборы были **действительно** демократическими, тогда как в исламских странах вся «демократия» сводится к тому, что неугодные муллам кандидаты попросту не допускаются к выборам и хорошо, если физически не уничтожаются.

Конечно, при желании **можно** назвать это «исламской демократией», мотивируя тем, что и современная буржуазная демократия — это тоже не вполне „*liberté, égalité, fraternité*“, но при таком подходе «демократией» можно было бы назвать вообще почти всё, что угодно. При этом самое забавное, что те же самые люди, с удовольствием толкующие о «демократически избранном» правительстве того же Ирана, когда речь заходит о странах Запада, тут же меняют пластинку и начинают громко стенать о «за-

силы масс-медиа» и о том, что «как по ящику скажут — так и проголосуют». Надо думать «иранский ящик» для них — это просто-таки светоч свободной информации, а о таком общедоступном и **крайне существенном** источнике независимой информации, как интернет, они в принципе не слыхали. Как и о том, что в исламских странах с ним, мягко говоря, «есть проблемы».

Любые «демократические» выборы реально стоят чего-нибудь лишь тогда, когда избиратели имеют возможность **самостоятельно** оценить ситуацию и сделать **обоснованный** выбор. Но практически реализовано это может быть лишь при наличии свободы доступа к информации и свободы слова. Без этого неперемennого условия никакой демократии, даже буржуазной, быть не может в принципе. В стране, где правят муллы или шейхи и где законы шариата — это объективная юридическая практика, царит **теократия**, а отнюдь не демократия, даже если нескольких чиновников и опереточный «парламент» там выбирают «всеобщим голосованием».

5. ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН В МУСУЛЬМАНСКИХ СТРАНАХ

Ничего, кроме недоумения, не могут вызвать раздающиеся периодически «откровения» тех же «исламофилов», что вот «я-де намеренно беседовал с женщиной-мусульманкой, и она мне совершенно авторитетно заявила, что, мол, мы, европейцы, ни черта не понимаем в их жизни, а на самом деле они ею очень даже довольны и никакой иной себе попросту не хотят». Простите, но кто конкретно эти «они», которые «всем довольны» и «не хотят»? Относятся ли к «ним» те женщины, которых убили их собственные родственники «из соображений чести»? Те, кого ещё в детстве насильно отдали в четвёртые жёны какому-нибудь похотливому старцу — берущему пример со своего любимого пророка, женившегося на последней из полутора десятков своих жён, когда той было всего 6 (шесть) лет и «взявшего её в свой дом» как только ей исполнилось 9 (девять)? Те, кого посадили в тюрьму или забили камнями до смерти за то, что осмелились показаться на улице без паранджи? Те, наконец, 14 девочек, что сгорели в марте 2002 года во время пожара в школе в

Мекке, потому что тамошняя религиозная полиция грудью встала на пути пожарных, пытавшихся их спасти, мотивируя это тем, что ученицы «одеты неподобающе для появления на улице»?

Конечно, может быть *каким-то* женщинам всё это и правда безумно нравится. В конце концов, и на Западе есть такие дамы (да и кавалеры тоже), которые обожают жить на цепочке в ошейнике, спать на коврике и питаться из миски собачьими консервами. Психи бывают разные. Но им никто и не запрещает жить так, как они хотят. Любительницы же «исламского образа жизни», однако, настаивают вовсе не на том, чтобы *им* разрешили жить так, как они того хотят, они — вместе со своими подельниками мужского пола — требуют **совершенно иного**: признания за ними «права» **диктовать свою волю другим женщинам**, женщинам, которые **не** хотят жить «по законам шариата». Иными словами, все те мифические «права», которые якобы есть у мусульманских женщин, и которыми они якобы широко пользуются, живя так, как «они сами» хотят жить, сводятся к единственному «праву» выразить радостное согласие, жить в том бесправном положении, в котором они живут, и не роптать. И заканчиваются эти «права» ровно в том месте, где женщины хотя бы робко выражают желание жить так, как хотят **действительно** они сами, а не так, как считает для них «правильным» их «участковый мулла».

Хуже того, муллы требуют для себя безусловного «права» воспитывать всех девочек такими же бессловесными рабынями, какими являются их матери — чтобы им даже и в голову не могла прийти мысль, что они могут жить нормальной, полноценной жизнью, изучать не коран, а, к примеру, астрофизику (или даже тот же коран, но не как «божественное откровение», а как один из многих исторических документов, пытаясь отделить в нём правду от вымысла и разобраться в политических перипетиях того времени), быть не бессловесными придатками к купившим их мужчинам, а свободными независимыми личностями.

И снова: призывы всех наших не в меру «толерантных» поборников «прав мусульман» — это **предательство** всех этих женщин и всех этих девочек, которых **мы** — своим страхом, безразличием и нежеланием вступить за их права — обрекаем на пожизненное рабство, из которого для них нет выхода.

6. «СОВЕТСКИЕ» ПАРАЛЛЕЛИ

Особенно же печально смотрятся попытки некоторых «левых» провести параллели между «нападками на ислам» и совершенно естественным для *буржуазного* западного истеблишмента антикоммунизмом. Проведение подобных параллелей — это, фактически, вставание на позицию царской охранки времён конца позапрошлого – начала прошлого веков, для которой тоже разница между грабителем-убийцей и революционером была малосущественна. Однако тот факт, что царское правительство ловило и сажало в равной степени как тех, так и других, мало кем из революционеров рассматривался как свидетельство их «общности интересов» с ворами и убийцами. Приравнять революционеров к преступникам — это была **задача** царского режима, задача, на решение которой было потрачено немало средств и жизней, и которая, как легко догадаться, была **прямо противоположна** интересам революции. Задачей же революционеров было продемонстрировать **обратное**. Причём не только то, что они сами — не преступники и не имеют с преступниками абсолютно ничего общего, но и что борьба царизма с преступностью — являющаяся борьбой **всецело моральной и справедливой** — ведётся недостаточно эффективно, и не почему-нибудь, а именно в силу имманентной несправедливости самого царского режима. В то время как после победы революции эта борьба развернётся значительно шире и приведёт к несравненно более положительным результатам, которые для царизма вряд ли достижимы в принципе. Иными словами, что вина царизма не в том, что «он несправедливо притесняет нас и воров», а в том, что он расправляется с революционерами, но в то же время **недостаточно последователен** в борьбе с преступностью.

И в значительной степени аналогичную ситуацию мы имеем сегодня с «империалистической агрессией против коммунизма и ислама». Да, г-дам империалистам **очень** хотелось бы отождествить в глазах мировой общественности коммунизм с фашизмом, современным радикальным исламом и прочими предельно репрессивными режимами. Это — *их* сегодняшняя задача, точно так же, как задачей царской охранки было отождествить революционеров с уголовными преступниками. Более того, они это

и делают при каждом удобном случае. Но, к сожалению, некоторые сегодняшние «коммунисты» — в отличие от своих товарищей из XX века — вместо того, чтобы **разоблачать** подобную ложь, из кожи вон лезут, чтобы подсобить империалистической пропаганде в решении этой **важнейшей** для неё задачи. При этом они как бы «забывают» о том, какую решительную и ожесточённую борьбу с исламом вела **советская власть**. «Забывают» и о регулярных, предельно «оскорбительных для чувств верующих» физкультурных парадах во всех крупных «мусульманских» городах, и о постоянном высмеивании — на государственном уровне — всех исламских (точнее, любых религиозных) «святынь», и о том, что муллы (попы, раввины и т.п.) в советские времена даже заикнуться боялись о каких-то своих «правах». И главное, «забывают» о том расцвете, который, в том числе и благодаря этой борьбе с исламским мракобесием, пришёл при советской власти в совершенно отсталые в царские времена районы бывшей империи. А также о том упадке, в который они погрузились сегодня — с возвращением к власти мулл.

7. ПРИРОДА СОВРЕМЕННОГО ИСЛАМА

Для того, чтобы уловить **основную** характеристику сегодняшнего ислама, не нужно проводить развернутых исследований, достаточно лишь мельком просмотреть посвящённые ему публикации — причём даже неважно, в какой прессе, европейской (американской), исламской или «независимой» (индийской, китайской и т.п.). Первое, что сразу же бросается в глаза, это что все исламские общественные деятели делятся — вне зависимости от конкретной разновидности ислама — всего на две большие категории: на «радикалов» и «умеренных». **Нигде**, ни в одной публикации вам не удастся найти ссылку на «либерального мусульманского клирика», «общину реформированного ислама» или что-нибудь в этом роде — тогда как подавляющее большинство активных деятелей всех других мировых религий принадлежит именно к их **либеральным** крыльям.

Но и это ещё не всё: если взять только тех из, к примеру, христианских деятелей, которых традиционно принято считать «консервативными» или даже «реакционными», то и подавля-

ющее большинство из них покажется «либералами» **по сравнению** с «умеренными» мусульманами. Взять хоть президента Буша, о «христианском фундаментализме» которого левые «борцы за секулярную идею» уже всю плешь проели. Можно ли его «фундаментализм», который не идёт дальше отрицательного отношения к абортам и гомосексуальным бракам, хотя бы отдалённо сравнить с «умеренностью» типичного «умеренного» исламского деятеля? Но те же самые «борцы за идею», которые на чём свет стоит поносят Буша, грудью бросаются на защиту мулл, по сравнению с которыми Буш — если и не «воинствующий атеист», то весьма мало отличается от безбожника.

Вот представим себе на секундочку, что Буш внес на рассмотрение в Конгрессе поправку к Конституции, запрещающую... богохульство. Не то слово, что подобная поправка никогда не дошла бы даже до голосования — её и обсуждать-то всерьёз никто не стал бы. А уж самого Буша все левые (да и большинство правых) травили бы (вполне справедливо) за эту «неслыханно реакционную идею» до конца его жизни. Но когда фактически того же самого, только в гораздо более жёсткой форме и в **мировом масштабе**, даже не предлагают, а **требуют** обнаглевшие муллы, грозя в противном случае массовыми беспорядками и террористическими актами, у наших «защитников прав и свобод» вдруг начинается острый приступ «толерантности», под воздействием которого они в одном строю с исламскими мракобесами требуют введения на нашей планете строгой религиозной цензуры — и гори все столь дорогие им свободы синим пламенем.

Вернёмся, однако, к исламистам и посмотрим, в чём же, собственно, заключается разница между «ихними» «радикалами» и «умеренными». Присмотреться повнимательнее, легко заметить, что разница эта не столь уж и велика. Несколько утрировано:

«Радикалы» кричат: «Смерть неверным!», «Даёшь всемирный халифат!» и потрясают в воздухе кулаками и шахидскими поясами.

«Умеренные» же говорят, что хотя кричать так, конечно, нехорошо, но ведь их можно понять: что же им, бедным, ещё

остаётся делать, когда кругом полно неверных, а всемирно- го халифата до сих пор нет?

Т.е. если разобраться, то окажется, что в действительности «радикалы» и «умеренные» действуют вместе, одной слаженной командой, разыгрывая классическую игру в «плохого полицейского — хорошего полицейского». Запад, как известно, «не ведёт переговоров с террористами» — поэтому когда «радикалы» под угрозой террора выдвигают какие-то требования, на авансцену тут же (или с некоторой задержкой — чтобы оппоненты «хорошенько оценили», что им грозит) выбегает «группа поддержки» из «умеренных», вызвавшихся «по собственной инициативе» и «ради сохранения мира и согласия» выступить «модераторами». И в качестве результата этой их «модерации», «заклеймив» по ходу дела терроризм и практикующих его «радикалов», «умеренные» выдвигают фактически те же самые требования, что и «радикалы», но сейчас принятие их выставляется уже не как уступка террору, а как «мудрое компромиссное решение».

Так что же такое современный ислам, является ли он чем-то принципиально новым или нечто подобное уже было в истории человечества? И да, и нет. Да, потому что сегодняшний ислам мало чем по сути отличается от средневекового католицизма с его инквизицией, всевластьем попов, кострами на площадях и всеми прочими «прелестями» теократического мракобесия. Нет, потому что никогда средневековым попам и их репрессивному аппарату не были доступны такие средства террора и слежки, как ядерное оружие, системы быстрого развёртывания, всеобщая сеть прослушивания, компьютеризованные телекамеры на каждом углу, тотальный контроль над финансовыми потоками — т.е. всё то, к чему современные «радетели чистоты веры» так алчно рвутся, и что надеются унаследовать от западной цивилизации, когда поставят её перед невесёлым выбором: либо шариат, либо постоянно нарастающий терроризм, либо полномасштабная ядерная война.

Нет, товарищи, это будет уже не «новое средневековье» — это будет **гораздо хуже**.

Причём не следует видеть в этой угрозе какое-то мифическое «столкновение цивилизаций», «борьбу Запада и Востока», «мы против них» и т.п. Нависшая над цивилизацией смертельная угроза — это отнюдь не «угроза хрис-

тианам со стороны мусульман». У многих из нас есть масса знакомых мусульман, кто-то даже и сам является «мусульманином по происхождению» — и весь наш и наших знакомых личный опыт неопровержимо свидетельствует о том, что мусульмане — это точно такие же люди, как и представители любой другой религии, с точно такими же представлениями о том, «что такое хорошо и что такое плохо», люди, не сделавшие нам ничего плохого, и которым мы сами не желаем ничего, кроме добра. Нам **не из-за чего** воевать с ними. Наш враг — это не они, а та раковая опухоль, состоящая из исламских клерикалов, всевозможных царьков, диктаторов и их прислужников, которая угнетает рядовых мусульман и паразитирует на них — точно так же, как в своё время католическая церковь паразитировала на христианах. Нам не надо воевать **против** мусульман, нам надо воевать **вместе** с мусульманами против нашего **общего** врага.

И не надо позволять обманывать себя утверждениями, что, будто бы, «большинство мусульман поддерживает своих духовных лидеров». «Большинство православных» на Руси тоже «поддерживало» своих попов — но вот после 17-го года почему-то с огромным энтузиазмом жгло церкви. А уж как любили негры рабы на юге США своих «масс» — по крайней мере, если послушать последних. Или даже первых, но в присутствии последних. Людей же, которые сегодня пытаются слушать — и **заставить слушать нас** — тех немногих мусульман, которым удалось вырваться из тисков страха перед мезью мулл и начать говорить свободно, этих людей — таких как Тео ван Гог — «почему-то» убивают прямо на улицах. Точно так же, как в своё время в Америке линчевали «грязных аболиционистов».

8. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Каков же выход, и есть ли он вообще? Для того, чтобы найти его, надо, прежде всего, понять, что, исходя из самой своей природы, эта очередная инкарнация религиозного тоталитаризма — современный ислам никогда не идёт, никогда не пойдёт и в принципе не способен идти ни на какие компромиссы. Любой «компромисс» для него — это не более, чем захват ещё одного плацдарма, с которого надо немедленно начинать дальнейшее наступление, до победного конца «во славу аллаха и пророка его». «Радикальные» и «умеренные» муллы, вкуче со

всеми своими прихвостнями, будут вечно грозить, юлить, опять грозить, идти на переговоры только для того, чтобы через пару лет выйти из них ровно в той же позе, в какой они в них вошли, и громогласно призывать к «всеобъемлещему компромиссному решению», которое на поверку всегда оказывается не более, чем «дипломатичной» переформулировкой всё тех же абсолютно неприемлемых для цивилизованного мира требований, сводящихся к одному единственному слову: **шариат**. И в процессе они будут вырывать одну уступку за другой, потихоньку теснить цивилизацию по всему фронту, но самое главное — **они будут усиливаться**. Автомат за автоматом, танк за танком, самолёт за самолётом, бомба за бомбой, ракета за ракетой, подлодка за подлодкой... Пока в один прекрасный (для мулл) момент человечество не окажется поставленным перед фактом, что в смертельные объятия аллаха оно всё, в полном составе, попадёт не тем путём, так этим.

И это будет конец. Конец нашего мира, как мы его знаем, мира, в котором можно читать не только коран, в котором не надо молиться по 5 раз на день, где за «неподобающий вид» не забивают камнями, где за выражение недовольства действиями местного исламского гауляйтера не отправляют в камеру пыток, и где «женщина — тоже человек»

Конечно, через несколько сот лет кончится и этот кошмар. Наверное. Но хотелось бы всё же несколько поскорее, ещё при нашей жизни. И с гарантией. Рецепт же реально — всего один, сформулированный ещё Вольтером: „*Йсrasez l'invme!*“ —

Раздавите гадину!

Не стоит питать надежд на постоянные попытки хоть как-то задобрить негодяев, на то, что вот хоть на этой уступке они наконец-то удовлетворятся и оставят нас в покое. Не оставят. Не надо занимать страусиную позицию и заниматься самообманом, что это только где-то далеко, там, «у себя» наводят они средневековые порядки, а до нас это, авось, не докатится. Докатится. **Уже** докатилось. И не остановится, пока не поглотит весь мир или не будет остановлено **силой**.

«Раздавите гадину!» В её логове. В Багдаде, в Тегеране, в Дамаске, в Мекке. Раздавите всем, что для этого понадобится, и что у нас пока ещё есть. Прессой, экономическими санкциями, гусеницами Абрамсов, термоядерными боеголовками. Муллы не должны править этим миром, и они **не будут** им править. Ни здесь, ни «у себя», нигде, ни на одном квадратном сантиметре земной поверхности.

Февраль 2006

РАЗНЫЕ РЕАЛЬНОСТИ

К. Ананич

От редакции. Это текст появился в интернете довольно давно. Первоначальный его адрес <http://kgx.livejournal.com/9910.html>, благодаря возможностям сети читатели размножили текст, разместили еще во множестве мест. Везде, где это сообщение появлялось – возникало обсуждение, так на момент печати нашего журнала по первоначальному адресу читателями оставлено 658 отзывов.

Много лет я спорил - в жизни, в сети - с людьми, которые рассказывали мне про мою страну какие-то странные вещи. Я пытался что-то доказывать, обосновывать, приводить цифры, свои воспоминания, воспоминания и впечатления друзей и знакомых, но они стояли на своём: « Было так - а не иначе». «В 1981 на центральном рынке города Новосибирска на единственном мясном прилавке рубили что-то вроде дохлой лошади» - говорил мне Петр Багмет, известный в фидо, как «пан аптекарь». Помилуйте, пан аптекарь! Но я жил в двух кварталах от этого рынка, и он был весьма богат! Я же там был! Так и он там был...

И меня вдруг осенило: мы жили в разных странах! Да что там в разных странах - в разных реальностях! И не только «пан аптекарь», но немало других. Мне даже стало жалко их - в такой страшной и неприглядной реальности ОНИ жили. Уже в детском саду их били воспитатели, ненавидели и изводили другие дети, их кормили насильно мерзкой липкой кашей. В моем садике были замечательные жёлтые цыплята, выложенные кирпичом жёлтым по силикатному, воспитатели читали нам замечательные книжки, к нам приходили шефы с кукольными спектаклями. Были огромные кубики, с полметра, из которых можно было строить корабли и замки. Настольные игры, игрушки, куклы - все было.

А на праздники мы устраивали замечательные утренники, стараясь изо всех силёнок, чтобы порадовать родителей. Мы декламировали стихи, танцевали, пели. Даже помню, на ложках играли. А с какой гордостью мы показывали моряцкий танец в родительском НИИ! А какой матросский воротник и бескозырку сшила для меня мама! А ИХ с самых детских лет

посылали с шести утра стоять в очередях, за молоком. И даже в Новый год в подарках им давали маленькие сморщенные, кислые мандарины! Но я - то помню, что мои мандарины были очень-очень вкусные! И даже дома их кормили какими-то ужасными синими курами и серой лапшой. И сахар был у них серый, мокрый и несладкий.

И в школе им было тяжело. Над ними издевались тупые учителя. От них в библиотеках прятали книги. А в моей реальности мне приносили новинки, с ещё не просохшими штампами. Учителя у меня по большей части были замечательные люди.

А ещё их, почти всех, насильно загоняли. Сначала в октябрята, потом в пионеры. И всю дальнейшую жизнь загоняли. Куда только не загоняли. Да, их реальность можно было только стойко переносить. Летом я один сезон проводил в пионерском лагере, другой - с бабушкой в городке отдыха «Радуга», и минимум раз в два года мы ездили всей семьёй в Крым, в Анапу. Море, ракушки, крабы, арбуз, закопанный глубоко в мокрый песок - это Анапа. Это здорово! Им - путёвок не давали, их лагеря больше напоминали концентрационные, чем пионерские, городков отдыха не было. Да, потом их загоняли в комсомол. В их комсомоле надо было молчать на собраниях и выполнять приказы. И были злые партийные кураторы. Если ты не слушал злого куратора - то могло случиться что-то страшное. Такое страшное, что ОНИ даже сказать не могут. Я же перевернул первое же отчётно-выборное, после чего сам оказался в комитете комсомола. И партийным куратором у нас была Лидия Аркадьевна - милейший человек. Их с самого детства отрезали от заграницы. Им не давали

встречаться с иностранцами, а если вдруг такое случалось - то забирали все, что иностранец давал бедному ребёнку. Ужас, правда? А в моей замечательной стране - были клубы интернациональной дружбы. Мы общались с американцами, англичанами, немцами. И с западными - тоже. Переписывались даже. Чехи и словаки вообще были как родные. Французов, правда, не помню. А когда с транзитного само-

лёта сняли пожилого шотландца с сердечным приступом - его не спрятали от народа в спецлечебнице, как это произошло бы в ИХ мире - а положили в ветеранскую палату к деду. И сестра бегала к ним переводить. И потом даже бандероль с какими-то сувенирами пришла. И её никто не отобрал. Ведь это была не их - НАША страна. А ещё мне жалко их родителей. Они были такие хорошие - но их всегда затирали злые начальники. Денег всегда не хватало, и они искали какие-то шабашки, а злые начальники им запрещали эти шабашки искать. И работали с ними всегда плохие люди - они все время завидовали. Их родителей тоже загоняли - в партию. Один из НИХ почему-то очень гордился, что комбайны, которые изобретал его папа,

очень плохо работали. Хотя папа был очень талантливый. И моя мама была очень талантливая, но её «изделия» почему-то работали. И я гордился именно этим. Наверное, потому, что это было в другой стране. А начальник у нее был жук, но почему-то это было скорее похвалой. Он был чернявый и очень хитрый - я хорошо его помню. А ещё мама была изобретателем. И статьи писала. И её за это не наказывали,

а наоборот - платили деньги. И почему-то в партию её никто не загонял. А ещё им врали. Все. Газеты, радио, телевизор, учителя. Даже родители. Одна девочка спросила папу, почему он слушает Аркадия Северного, ведь это враг. А папа ответил - потому что врага надо знать в лицо. А сам просто его любил, этого Северного. Ещё этот папа рассказывал - что заставляли его прислушиваться во время олимпиады к разговорам с иностранцами и докладывать куда надо, а при воз-

можности разговоры сводить к правильным. Но ведь ему уже не было веры, правда? Став старше, я заметил, что реальности разошлись не в момент моего рождения. В «их» стране - кабанчика приходилось резать ночью, чтоб не забрал комиссар... А в моей в это время уже и комиссаров-то не было, в начале 70-х. Они жили в какой-то странной «Верхней Вольте с ракетами», а мы - в великой мировой державе. Даже Великая Отечественная Война у нас оказалась разной.

В их реальности - врага «завалили мясом», воевал некий странный субъект под названием «простой мужик». Коммунисты - отсиживались в тылах. Все. поголовно. На одного убитого немца приходилось четыре, а то и пять убитых

«простых мужиков». Но «простой мужик» таки победил. Вопреки всем.

И коммунистам в тылу, и Жукову, который спал и видел, как побольше «простого мужика» извести. И командирам, которые только с ППЖ развлекаться могли и пить трофейный шнапс, добытый «простым мужиком». А особенно - вопреки лично тов. Сталину. Танки у нас были плохие. Автоматы плохие. Самолёты плохие. Но только те, которые наши. Союзники поставляли нам хорошие. Вот именно хорошими танками «простой мужик» и победил. Но злой Сталин забрал у «простого мужика» все плоды победы, а самого «простого мужика» посадил в Гулаг. Такой он был нехороший.

В моей реальности - тоже была война. Но в ней воевали все. И партийные и беспартийные. Все советские люди - кому позволяло здоровье и возраст. И даже кому не позволял - шли воевать тоже. Коммунист дед Иван Данилович, до войны - сельский учитель - погиб при прорыве у местечка «Мясной бор». Коммунист дед Федор Михайлович Гаврилов, до войны - директор школы - прошёл всю войну, был ранен, награждён орденами и медалями. Потери на той войне были

страшными. но именно потому, что враг не щадил гражданское население. А солдат погибло почти столько же, сколько у врага и его союзников вместе на Восточном фронте потому, что воевали хорошо и быстро учились. И была техника, которую производила наша, советская промышленность. Отличная боевая техника.

Было тяжело, но моя страна победила. Мы жили, строили, думали о будущем, учились. Нас волновали мировые проблемы. А они - думали, как свалить эту мерзостную систему. И самое страшное - свалили. И тут реальности на короткое время пересеклись - потому что исчезла и моя страна.

Мы, те, кто был в ней счастлив, даже не подозревали, что свое счастье нужно защищать, держаться за него зубами и ногтями. Вот и не защитили. А дальше миры вновь разошлись: у «них» настало счастье, ведь

появились бананы, колбаса, женское белье и свобода, а у нас началась полоса трагедий: разваливалась наука, производство, вчерашние союзные республики охватил огонь войны, в котором бывшие советские граждане убивали бывших же советских. Старики остались без защиты и гарантий. Но это уже совсем другая история.

Ноябрь 2004

ФАРИСЕИ

А. Каллистов

Некоторое время тому назад, когда нынешний режим в нашей стране в очередной раз продемонстрировал, что на деле означает свобода слова в РФ, прихлопнув как муху Савика Шустера с его одноименной программой, я решил посмотреть телепередачу «К барьеру». Меня, в частности, интересовала позиция телеведущего, который по идее мог, соблюдая нейтралитет, предоставляя «дуэлянтам» возможность изложить свои точки зрения, следить лишь за тем, чтобы полемика не переросла в разновидность восточного базара, а также уметь установить специальный «глушитель» для Жириновского, который считает, что если он своего оппонента переорёт, то тем самым докажет свою правоту.

Позиция ведущего меня заинтересовала ещё и потому, что несколько лет тому назад я покупал газету «Дуэль», на страницах которой проводились аналогичные дискуссии с лицами, имеющими по тому или иному вопросу различные точки зрения. Вначале всё шло хорошо, но вдруг главный редактор решил выступить сам в роли дуэлянта и выбрал для этого тему «Является ли марксизм наукой». Отстаивая свою позицию под девизом «Марксизм наукой не является», главный редактор Мухин выдал на гора фразу: «Я долбаю марксов бред». Тогда я написал ему: «Юрий Игнатьевич, Вы делаете очень важное дело, предоставляя газетные страницы для дискуссий по различным темам. Я Вас очень прошу: не влезайте сами в дискуссии в качестве дуэлянта, тем более по вопросам, в которых Вы просто не разбираетесь или, простите за откровенность, ни черта не смыслите. Да, Маркс ничего не изобрёл. Он только высветил, очистил от лжи и демагогии законы развития общества, показал, что современный ему мир делится на богатых и бедных, что богатые живут за счёт бедных и рано или поздно

этот несправедливый миропорядок неизбежно уйдёт в прошлое, в историю человечества. Маркса читают, изучают и хорошо знают все крупные и средние империалисты и их идеологическая обслуга. Они сумели удержаться от краха, сделав производство социалистическим, но оставив распределение капиталистическим».

Но вернёмся к нашей теме. Из нескольких просмотренных программ «К барьеру» я уяснил, что ведущий не в состоянии быть беспристрастным арбитром в спорах и предоставить изложение вердикта подобранным им судьям (кстати, интересно, что эти вердикты, как правило, не совпадали с мнением телезрителей). Как только кто-либо из дуэлянтов касался болевых точек режима, положений, не желательных для обсуждения, Соловьёв, как кипятком ошпаренный, бросался в бой и выдавал набор двойных стандартов или фарисейских мифов, давно уже опровергнутых реальными фактами.

Поясню сказанное на конкретных примерах. В одной из дуэлей редактор газеты «День» Проханов напомнил слушателям и своему оппоненту, что Генеральная Ассамблея ООН на одном из своих заседаний приняла «Декларацию прав человека», ставшую таким образом одним из документов, излагающих норму международного права. Этими нормами в цивилизованных демократических государствах принято руководствоваться в практической деятельности и ставить их выше правовых норм своего государства. В Декларации чётко и недвусмысленно сказано, что народ государства, в котором в отношении его проводится политика геноцида, т.е. истребления, имеет право на восстание и замену этого режима другим, действующим в интересах народа. И вот стоило только Проханову сослаться на этот документ, как Соловьёв буквально завершал, что восстание это насилье, что это недопустимо, что это кровопро-

* Редакция журнала «Прорыв» выпустила книгу «ПОЛИТИЧЕСКИЕ МИФЫ И ОБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ», в которой собраны статьи товарища Каллистова с 1997 года по ноябрь 2003 года. В книгу вошли 31 статья из цикла «XX век. Мифы и реальность» и отдельные статьи, письма и ответы оппонентам. Книгу можно приобрести, связавшись с редакцией журнала «Прорыв».

литие, что восстание не стоит крови даже одного ребёнка и т.д.

Что ж, напомним фарисею Соловьёву некоторые исторические факты. В ходе восстания 25 октября (7 ноября) 1917 года при штурме Зимнего дворца в Петрограде погибло 4 человека, во время штурма Кремля в Москве несколько больше, а по всей стране приход новой власти произошёл по историческим меркам практически бескровно. Кровь полилась рекой тогда, когда «бывшие» не смирились с потерей власти, развязали Гражданскую войну и при поддержке военной интервенции 14 государств пытались вернуть себе власть. Кровь более 5 тысяч человек пролилась и 4 октября 1993 года в Москве. Это кровь тех, кто ни на кого не нападал, кто практически без оружия в руках защищал Верховный Совет РСФСР от пьяных ельцинско-еринско-грачёвских карателей, не жалевших ни женщин, ни стариков, ни детей.

Напомним Соловьёву и читателям о «гуманистах» в рясах, уничтоживших до трети населения Европы и не проливших при этом ни капли крови. Они всего-навсего... жгли людей на кострах инквизиции. И в царской России начала XX века «гуманист» Столыпин, разваливая и разрушая сельскую общину, тоже не пролил ни капли крови. По его приказам и по постановлениям созданных им «скорострельных» судов людей просто... вешали, оставив виселицами все крупные дороги России. Причём в таком количестве, что в народе виселицы стали называть «столыпинскими галстуками». Это только ставшего в нынешней России святым великомучеником последнего царя Николая II «неблагодарные» сограждане почему-то упорно звали «Николаем Кровавым».

Путин тоже не проливает крови, но население страны убывает почти на миллион человек в год, причём даже вовсе не за счёт старшего поколения, которое естественным путём уходит из жизни по старости, а в огромном количестве за счёт людей вполне трудоспособного возраста, которым ещё жить бы да жить. Они гибнут от последствий рыночной экономики с её обязательными спутниками – голодом, безработицей, наркоманией, самоубийствами на почве безысходности и неумения бороться за свою жизнь. И такой «гуманизм» поддерживается изо всех сил «единороссами», ЛДПР, СПС, продажными СМИ, холуйствующими интеллигентами, всеми религиозными конфессиями. Чего стоят на этом фоне соловьёвские стена-

ния о «грехе» кровопролития?

Второй характерный эпизод произошёл во время дуэли Жириновского с Джамалем. Речь шла о выступлении французской бедноты, в основном неевропейского происхождения, спровоцированном несчастным случаем с двумя подростками, укрывшимися от преследования полицией в трансформаторной будке, где они были поражены током. За несколько дней капиталистические СМИ успели нагородить вокруг этих событий кучу полуправды, которая, как известно, хуже прямой лжи. Здесь и домыслы о том, что подростки залезли в трансформаторную будку или погреться, или из хулиганских побуждений, здесь и проклятья в адрес неблагодарных неевропейцев, которых приютило французское государство, а они, такие разэтакие, учинили погромы, нарушили законы и спокойствие граждан, уничтожали автомашины бедных людей, которые теперь не смогут купить себе новых, и т.д., и т.п. И вот когда Джамаль попытался хотя бы частично рассеять этот информационный туман, Соловьёва снова прорвало и он, перекричав даже неофашиста..., пардон, либерал-демократа Жириновского, заявил, что к нарушителям закона государство будет применять жестокие меры и это, по его мнению, оправданно. СМИ подтвердили, что из Франции уже осуществляется массовое изгнание неевропейцев. Жириновский тут же, экстраполируя эти события на РФ, закричал, что и к нам «азиаты» едут самовольно, что их никто не звал сюда, никаких писем с приглашениями их сюда на работу он не видел.

Для начала напомним Жириновскому, что поскольку эмигранты уже приехали искать работу и нашли её, хотя и фактически на рабских условиях, то и писем никаких не потребовалось, именно потому их и нет. Напомним, что даже в СССР, где с 1930 года не было безработицы, на некоторые не престижные виды работ не было желающих и именно тогда в нашу жизнь вошло понятие «лимитчик».

Соловьёву же напомним, что в XX и в XXI веках государств «вообще» и издаваемых ими законов «вообще» не существует и не существовало, как не существует единства и единомыслия между богатыми и бедными, между трудящимися и клопами-мироедами. И там, где государство является буржуазным, а потому отражает и защищает интересы буржуазии, там и законы направлены против трудящихся и попирают их интересы. Такое же положение сей-

час и в РФ. Примеров тому нескончаемое множество. Более того, если же буржуазные законы, которые иногда, фарисейства ради, вынуждены декларировать некоторые «свободы» для народа, то буржуазия без всяких зазрений совести изменяет или нарушает их, коль они не соответствуют её интересам. Если же государ-

РФ, показывают, что на вопрос «Доверяете ли Вы государству?» 84,1% опрошенных ответили «нет». На вопрос «Выборы государственной власти – благо для народа или пустые хлопоты?» 85,8% респондентов выбрали последнее. А на вопрос как можно в России победить бедность 80,7% ответили: «переделом собственности».

ство образовано трудящимися, т.е. подавляющим большинством населения, то и законы соответствуют интересам этого подавляющего большинства и при нарушении их меньшинством к ним применяются соответствующие меры.

А если уж осуждать нарушителей законов, то вообще-то надо начинать с Ельцина и его подельников рангом помельче, совершившими в 1991 году тяжкое, особо опасное государственное преступление, квалифицирующееся как «измена Родине» (ст.62 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик). Но тогда Ельцин не погнушался и не побоялся пойти на это преступление, как не испугался и ещё одного своего преступления в сентябре-октябре 1993 года, подписав Указ № 1400. Вот с него, господин Соловьёв, прежде всего и спросите уважения к законам государства.

Но куда там! Вы же фарисей и никогда этого не сделаете. А между тем квалифицированные, методически обоснованные опросы общественного мнения, проведённые телевидением

Правда, на последний вопрос респонденты ответили неквалифицированно. Не будучи юристами, они не знали, что ни в одной стране мира грабитель никогда не становится собственником награбленного, так же как и наши грабители общенародной собственности СССР. Передела не будет. Народ просто вернёт собственность по назначению.

И уже в ходе подготовки настоящей статьи, во время очередной дуэли по поводу создания в РФ всеобъемлющего электронного учёта всех граждан, депутат Митрофанов от ЛДПР вновь озвучил дурацкую страшилку о том, что в СССР якобы осуществлялся тотальный контроль за каждым гражданином, и потому в том, что рекомендуется сейчас, нет ничего нового. Спросим Митрофанова и других бывших советских граждан: «Любило ли ОГПУ кулаков?». Все, конечно, скажут, что нет, и будут правы. Но тогда как же кулацкое отродье Ельцин сумел, практически не меняя место жительства и не особенно скрываясь, получить нормальное образование, подняться до уровня руководи-

ля крупной строительной организации, а затем ещё и занять очень высокие посты в правящей партии? Да и по себе сужу. Я из известной дворянской семьи Струве, но никогда ни от кого не скрывался. Органы государственной безопасности могли без труда узнать, что брат моего прадеда был министром Временного правительства, а затем министром у Колчака и белоэмигрантом. Но меня КГБ не тревожило, я всю трудовую жизнь проработал в госаппарате, в том числе и в подразделениях связанных с соблюдением государственной тайны, и никто за мной

по пятам не ходил и ничего не выслеживал. Думаю, этих примеров достаточно, чтобы от митрофановского бреда не осталось и следа.

Что можно сказать напоследок ведущему телепередачи «К барьеру»? Если Вы будете подбирать дуэлянтов на основе мелкотемья и услужения режиму, то Ваши передачи очень скоро перестанут смотреть вообще. Если Вы буде-

те давать слово тем, кто поднимает острые, неприятные для власть предержащих вопросы, и не гарантируете себе, что вовремя их остановите, то приглашайте Жириновского, он наверняка не откажется и всех переорёт. Но сами-то не лижите сапоги власть предержащим, попробуйте

сохранить объективность, уважение к себе, как к человеку. Хотя, конечно, при этом не исключено, что Вас вышвырнут из ЦТ, как вышвырнули Шустера, Парфёнова и других, кто вольно или невольно наступал правителям на л ю б и м у ю

мозоль. Так или иначе, жизнь заставляет каждого не сидеть на двух стульях, не прятать, как страус, голову в песок. Надо быть или с трудовым народом, или против него. Как говорили древние римляне: «Tertium non datur» (терциум нон датур) – третьего не дано.

Март 2006

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «ПРОРЫВ»

**Мартынов Ю. М.(гл.ред.), Подгузов В. А.(зам.гл.ред.),
Петрова О. Б.(тех.ред.), А.Лбов.**

НАШИ КОНТАКТЫ:

Почтовый адрес : **109378 г. Москва, улица Федора Полетаева,
дом 15, корпус 1, квартира 79,
Петровой О.Б.**

Электронные адреса: **editors@proriv.ru,
petrova@proriv.ru**

Телефоны: **378-37-59 Петрова О. Б.
387-16-00 Мартынов Ю. М.**

Посетите наш сайт в Интернете **www.proriv.ru**.

Там вы найдете статьи наших авторов в рубриках: экономика, политика, философия, этика, история, военные вопросы, рецензии и критика, политическая публицистика, юмор, большую подборку коммунистической музыки.

На наш журнал можно подписаться. Для этого нужно написать в редакцию письмо или связаться с ней по телефону, и с этого времени Вы будете получать наши журналы по почте или лично. Цена одного экземпляра с учетом почтовых расходов 25 рублей.

Редакция работает на общественных началах. Рукописи редакцией не рецензируются, не редактируются, не корректируются и не возвращаются.

Зарегистрирован Центральным территориальным управлением Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовой информации. Свидетельство о регистрации ПИ №1-00915 от 20 декабря 2002 г. Учредитель Петрова О.Б. Цена свободная. Тираж 1000. Объем 60 стр. формата А4. Подписано в печать 13.04.06